

РУССКИЙ АПОКАЛИПСИС

Игорь Подгурский

**ПОДЗЕМНЫЙ
РЕЙД**

Игорь Подгурский
Подземный рейд

«Автор»

2012

Подгурский И. А.

Подземный рейд / И. А. Подгурский — «Автор», 2012

Удивительным образом переплелись судьбы капитана Олега Шаржукова, закончившего боевой путь в Маньчжурии 1945 года, и его тезки-правнука, героически сражающегося с мутантами в подземельях Москвы. Апокалипсис, ожидавшийся в результате падения на Землю кометы, не состоялся. Но град ее осколков-метеоритов принес на нашу планету новые формы жизни, угрожающие человечеству. Отважного чистильщика Олега Шаржукова-младшего, кроме каждодневного привычного риска, поджидала еще одна опасность. В самом конце Второй мировой его прадед, словно сказочного джина в бутылке, запечатал в погибающем танке древнее существо, погубившее множество людей. Японские легенды утверждали, что демон, прозванный Похитителем Лиц, бессмертен. И теперь этот неожиданно освободившийся монстр решил свести счеты с потомком обидчика...

© Подгурский И. А., 2012

© Автор, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	25
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Игорь Подгурский

Подземный рейд

Глава 1

- Лифтера вызывали?
- Ась?
- Фигась! Лифтера, спрашиваю, вызывали?

Двое беседовали на повышенных тонах, стоя на полуразрушенном крыльце многоэтажной панельки. Седенький старичок в профессорском пенсне, с бородкой клинышком и трясущейся левой рукой стоял на верхней разбитой ступеньке и никак не мог понять, чего от него хотят. Напротив него возвышался высоченный громила в замызганном красном комбинезоне и с потертым армейским штурмовым рюкзаком в руке. Здоровяк стоял на тротуаре, но при этом умудрялся смотреть на старичка сверху вниз. Громила ткнул грязным пальцем с обгрызенным ногтем в шеврон, пришитый на предплечье. Шеврон – ярко-фиолетовый щит с перекрученными тросами, вышитыми золотой нитью, смотрелся чужеродным пятном на засаленной ткани спецодежды. Счастливый комбинезон лифтера Шаржукова. Постирать его – означало сознательно лишиться себя удачи, без которой нечего делать в этой профессии, полной всяческих неожиданностей. Как все коммунальщики, незаметные герои мегаполиса, Олег верил в приметы, даже если они были следствием собственной лени и патологического отвращения к чистоте.

За спиной лифтера глухо громыкнуло, тротуар под ногами ощутимо вздрогнул. Старичок, начальник ЖЭКа, вцепился сухонькими ручками в коммунальщика, пытаясь осторожно заглянуть ему за спину. На повторный вопрос: «Так вызывали или нет?» – он безостановочно закивал головой, словно китайский болванчик, который никак не мог остановиться. Шаржуков решил считать нервный тик за утвердительный ответ и начал потихоньку отдирать от себя руки. Хватка у старичка оказалась мертвая. Видать, первый день на службе. Ишь ты, наверное, решил подзаработать в ЖЭКе прибавку к пенсии, то да се. Олег освободился, лишь разогнув по очереди каждый палец старичка.

Оглянувшись, он увидел, как из раскрытого полуподвального окна валят клубы зеленого дыма.

«Должно быть, кто-то из жильцов решил потравить дымовой шашкой панцирохвостов, потомков мутировавших хорьков. Правда, в последнее время у них к любой химии мгновенно вырабатывается иммунитет. Лучше по старинке с ними разбираться – огнеметом. Проверено. Обработал огнесмесью, и все в полном ажуре».

В подтверждение его мыслей из подвала раздалось басовитое гудение турбины, нагнетающей давление в баллонах с огнесмесью. Невидимый борец с панцирохвостами словно подслушал мысли лифтера и решил действовать более радикально. В зеленом дыму стали преобладать черные тона. Из подвала ощутимо потянуло жженым пластиком и пережаренным шашлыком. Вместе с дымом из окошка повалил утробный рев, нарастающий с каждой секундой. Лифтер отступил к старику на крыльцо. Если что, всегда можно успеть заскочить в подъезд. Он точно помнил, панцирохвосты пищат, а не воют. Значит, в подвале затаился кто-то другой: огромный и более опасный. Чистить подвалы – служба тяжкая. Никогда не знаешь, с кем можешь столкнуться. Ну да ладно, у каждого человека есть выбор. Сами знали, на что подписывались, когда лезли под землю.

Из окошка показалась голова в защитном металлокерамическом шлеме с закопченным забралом. Через такое стекло хорошо смотреть на солнечное затмение. Лифтер вспомнил босо-

ногое детство и улыбнулся. Со стороны улыбка на лице, заросшем седой щетиной, напоминала волчий оскал. Бриться лифтер тоже не любил. За бритву он брался, когда щетина была готова перерасти в бороду. А это уже помеха на работе. Защитная маска не так плотно прилегает к лицу, а значит, есть реальный шанс не вернуться с работы домой...

Вслед за шлемом показались плечи с алыми погонами, испятыми витиеватыми желтыми вензелями. Подтянувшись на руках, мутантоборец выбрался на тротуар. У лифтера от удивления отвисла нижняя челюсть. Перед ним стоял в пятнистом камуфляже воспитанник Президентского кадетского военного училища. Держась рукой за стенку, парнишка, пошатываясь, побрел к крыльцу.

– Предупреждать надо, батя, – писклявым фальцетом произнес кадет, обращаясь к начальнику ЖЭКа. Он снял шлем и попытался пригладить непослушный сальный вихор. С бледным осунувшимся лицом кадет больше напоминал больного, сбежавшего из госпиталя, чем будущую красу и гордость Вооруженных сил России.

– А вы не спрашивали, – старичок вскинул подбородок с бородкой. – Сразу в подвал рванули.

Кадет был еще совсем подростком, лет пятнадцати. На костлявых плечиках топорщился камуфляж минимум на размер больше, чем нужно, и, судя по блеклым пятнам защитной окраски, второго срока службы. Сразу видно, что на задание выдали то, что не жалко.

Мальчишка злобно зыркнул исподлобья на старика и вытащил из-под мятого погона сигарету. Сигарета была сломана. Оторвав фильтр, кадет сунул бумажный цилиндр в рот и про- бурчал:

– Огонька не найдется?

Лифтер суетливо пошарил по карманам и, выудив зажигалку, с готовностью щелкнул у конопатого носа.

Кадет несколько секунд всматривался в маленький огонек, потом с невозмутимым видом прикурил. После первой затяжки молодой организм сразу дал сбой. Мальчишка судорожно сглотнул и согнулся пополам. Густой желчью его вырвало на высокие шнурованные ботинки, измазанные подозрительно блестящей слизью.

– Бли-и-ин! Ну ты и зараза! – кадетик разогнулся и оттер тыльной стороной ладони обломок сигареты, прилипший к нижней губе. – Надо же правильно оформлять заявки. Всего одно гнездо панцирохвостов! – мальчишка явно кого-то передразнивал.

– Что вы себе позволяете, молодой человек? Я буду жаловаться вашему командованию! – начальник ЖЭКа затрясся от возмущения.

– А-а, звоните, пишите, шлите кодограммы, – отмахнулся, словно от надоедливой мухи, парнишка.

Лифтер вытащил из нагрудного кармана плоскую золотую флягу с эмалированной эмблемой военно-морского флота. На обратной стороне шла лаконичная гравировка «Старшине первой статьи О. Шаржукову за храбрость, проявленную на спецучениях». После тех «учений» от экипажа осталось меньше трети личного состава, а Шаржукова списали на берег по состоянию здоровья и записью в личном деле «ограниченно годен к военной службе в военное время». Тогда Олегу и пришлось переквалифицироваться в лифтеры. Фляжка была наполовину полна или наполовину пуста, как кому нравится. В ней плескался «адмиральский коньяк»: смесь крепкого чая и водки со стимуляторами, снижающими болевой порог. Он протянул флягу кадету:

– Хлебни, коллега!

– Благодарю. За рулем, – мотнул головой кадет и побрел вдоль стены дома. – Вы там смотрите... поаккуратнее с этим хрычом. Неизвестно, что он там наплел, когда вызывал вас сюда.

– Учиться лучше надо, двоечник! – выкрикнул-выплюнул старик в удаляющуюся пятнистую спину со следами побелки. Он повернулся к лифтеру и пояснил: – Кадетам, провалившим переводные экзамены на следующий курс, предоставляют альтернативу: еще одна пересдача или полевая практика в городской черте. Так сказать, стажировка, максимально приближенная к боевым действиям в городе. Вы же знаете, у Министерства обороны строгие правила – не сдал экзамен повторно, голубчики сразу вылетают из училища, как пробка из бутылки. А тут теория закрепляется на практике. Ничего плохого не подумайте, все исключительно добровольцы.

– Говоришь, плохо учатся. – Лифтер задумчиво поскреб щетину на подбородке. Дедуля все меньше и меньше начинал ему нравиться.

– Да, и хулиганья всякого хватает! – старичок возмущенно всплеснул руками. – В мое время дисциплина так не хромала в армии!

– Сам-то где служил? – поинтересовался лифтер, бесцеремонно перебив заказчика.

– Я, э-э-э, служил... гм-м... – Старик, по-птичьему склонив голову на плечо, внимательно стрельнул взглядом из-за стекол пенсне на лифтера.

Договорить он не успел. Из подвального окошка один за другим поползли кадеты, как черви из земли. Одного они вытащили ногами вперед.

«Плохая примета, – пронеслось в голове у Шаржукова. – Совсем еще зеленые. Ничего не понимают в коммунальном деле».

Кадеты с алыми погонами были обмундированы в разномастную форму: попугайской раскраски тропический камуфляж ярким пятном выделялся на фоне бело-серой «шелестелки» для горных восхождений, а оливковый комбинезон парашютиста соседствовал с черной робой бронетанкиста, отсвечивающей пластиковыми накладками на коленях и локтях. Форму объединяло одно – высокая степень изношенности и потертости. Компания подростков, похоже, была собрана не только из разных рот, но и с разных курсов. Горная и парашютная подготовка – прерогатива старшекурсников. Каптерщики обмундировали добровольцев в старье, подготовленное к списанию на роль ветоши, пригодной лишь к чистке оружия. В галдящей толпе мальчишек, выбравшейся из подвала, одинаковыми были лишь алые погоны и стандартные защитные шлемы старого армейского образца.

Пестрая толпа баловней шальной удачи сгрудилась у оконного проема подвала, ненадолго возвышающегося над кромкой тротуара. Похоже, кого-то в их отряде не хватало.

Бедолага, вынесенный вперед ногами, успел очухаться, лежа на коротко подстриженном газончике. Свежий воздух оживил его. Он встал на четвереньки и пытался принять горизонтальное положение. Его взгляд сфокусировался на стоящих на крыльце. Реакция последовала незамедлительная. Он вытянул в их сторону руку и отрывисто выкрикнул:

– Скотина! Ты нас всех чуть не угробил! Из-за тебя чуть человека на тот свет не отправили. Предупреждать же надо!

Лифтер видел ребят в первый раз. Значит, ругательство было адресовано не ему. Старичок внимательно рассматривал расколотые плитки раскуроченного крыльца под ногами и старательно делал вид, что все происходящее вокруг него никоим образом не касается.

Сразу бросалось в глаза, что команда подобралась не просто из двоечников и хулиганов, а из творческих личностей, всегда отличающихся особым видением мира. Темно-матовое покрытие защитных шлемов чуть проглядывало из-за обилия ярких картинок, лучше всякой наглядной агитации повествующей о буднях санитаров города. Вот иглоголов хищно оскалил пасть с несколькими рядами зубов, вот летящий кожкрыл о двух головах – редкий экземпляр. Хватало и банальных черепов на раскрашенных шлемах, ухмыляющихся и изрыгающих жуткие языки пламени. Не забыли и о платиновой блондинке с пышными формами и чувственной родинкой над верхней губой.

Чувствовалась рука мастера, хотя профессиональный художник заметил бы, что не все пропорции соблюдены и цветовая гамма слишком яркая. Лифтер бы ничуть не удивился, если

бы узнал, что доморощенный военный художник оказался в штрафкоманде за граффити на стене казарменного туалета, изображающее интимные подробности из жизни курсового офицера.

Нашлемная роспись поражала. Здесь царил беспорядок и буйство красок. Тот, кто все это нарисовал, имел необузданную фантазию и смелость не признавать правила и границы. Еще один шеголял в шлеме, на котором корявыми буквами шла надпись: «МАРИНА» и пурпурное сердце, пробитое насквозь стрелой. Видимо, писали второпях, да и, похоже, сердечный друг этой самой Марины имел плохой почерк или особенно не заморачивался каллиграфическими изысками. А может, просто он украшал шлем дорогим именем, держа его на коленях, когда сидел в кунге трясущегося грузовика, мчащегося на очередной вызов?

У некоторых на шлемах болтались закрепленные хвосты, отрезанные у панцирохвостов. При движении костяные сегменты хвостов стукались друг о друга, издавая звук угрожающий и зловещий. За версту было видно, что идут новички, которым хочется выглядеть посolidнее.

Из оружия у них были короткие гарпуны, узкие штыки от штурмовых винтовок, закрепленные фиксаторами-липучками на поясных ремнях, ногах и руках, как кому сподручнее, и подсумки с разноцветными цилиндрами химшашек. У двоих вокруг пояса были обмотаны и зафиксированы карабинами свернутые сети из прочной полимерной нити. Ловить тварей такими тенетами несподручно и опасно, но прикрыть отступление, задержать хищников, чтобы выиграть драгоценные мгновения, вполне реально. Лифтер профессиональным взглядом оценил экипировку кадетов: скудно и без излишеств, но вполне функционально. Хотя... смотря какие задачи перед ними стоят...

Кадеты оживленно переговаривались. До крыльца долетали обрывки фраз: «Где его носит?! Все равно никто нам не поверит!.. Сразу сторел, попробуй найди, там воды по пояс, а может, и глубже!..» В темном провале окна показался еще один кадет. Гомон, как по команде, стих. Пропавшая душа тут же попыталась вылезти наружу, уцепившись одной рукой за каменный бордюр ограждения. Второй он что-то бережно прижимал к груди. Выбраться из темноты на белый свет ему не давал горб огнемета за спиной. Баллоны цеплялись за каменную кладку и мешали протиснуться в небольшой проем. Извиваясь ужом, он начал потихоньку выползать на улицу, обдирая краску с баллонов. Кадет уже почти вылез, как неожиданно его улыбающееся лицо исказила гримаса ужаса, и он громко заверещал на одной ноте: «А-а-а!»

Кто-то, скрытый в темноте подвала, сцапал его за ноги и теперь тянул обратно. Неведомая сила одним рывком затащила его по пояс. Кадет громко голосил и отчаянно брыкался, стараясь посильнее лягнуть нападавшего.

«Руку давай, чудила! Руку! Бл-и-ин, руку, быстрее!»

Кадеты в несколько рук вцепились в огнеметчика и, мешая друг другу, потащили его к себе. Но снова помешали баллоны, цеплявшиеся за камень. Наконец один из них догадался обрезать кинжалом плечевые лямки огнемета, иначе так бы и утянула неизвестная тварь их товарища обратно в подвал.

Мальчишки мигом вытащили друга из окошка и тут же благоразумно оттащили его подальше от дома. Нелишняя предосторожность. Невидимое чудовище, упустив свою жертву, разочарованно завывало в полный голос и вымещало бессильную злобу на пустом огнемете. Гулкие удары баллонов о бетонный пол свидетельствовали о том, что в них не осталось ни капли огнесмеси.

Кадеты хлопали спасенного товарища по мокрому комбинезону, радуясь, что все закончилось благополучно, а заодно проверяя, не появилось ли на нем лишних отверстий, не предусмотренных матушкой-природой.

«Ты чего так долго? Глухой, что ли? Не слышал команды на отход?!» – вопросы так и сыпались на парня со всех сторон. Он поднял забрало шлема, и стало видно улыбающееся лицо с потрескавшимися губами. Вместо того чтобы ответить, он поднял вверх руку, которую все

это время бережно прижимал к груди. В кулаке был зажат мертвой хваткой желтый костяной шип-рог, завивающийся спиралью. Лобный нарост иглоголова было трудно с чем-то спутать. Иглоголов – тварь редко встречающаяся и особенно зловредная. Ученые так и не смогли изучить до конца его повадки. Классифицировать успели, а изучить еще не сподобились.

«Повезло пацанам. Все живы и целы, – подумал лифтер, ощутив легкий укол зависти. – Новичкам всегда везет – аксиома. Да, молодежь пошла не промах. Все схватывают на лету, таких учить – только портить. Глядишь, сами еще чему-нибудь научат...»

Порыкивая двигателем, у крыльца притормозил армейский трехосный грузовик с эмблемой Президентского кадетского военного училища, золотым вензелем на фоне красного круга.

К решетке радиатора был прикручен проволокой распятый кожкрыл. Приличных размеров мускулистый экземпляр – не редкость в городских краях. При хорошей сноровке добыть его не составляет особого труда. Вот только загвоздка была в том, что тварь оказалась живой и упорно пыталась перегрызть толстую проволоку. Редкие треугольные зубки скользили по блестящему металлу, не оставляя следов.

«Вот это ухари! Мало того, что взяли живьем, так еще умудрились привязать на место эмблемы завода – изготовителя машины. Отчаянные парни! Отчаянные и безбашенные!»

Лифтер опознал в грузовике наспех переделанную машину подвоза боеприпасов. Похоже, кадеты использовали ее как свой передвижной штаб. Огромный грузовик, без стрелы выдвижного крана, видимо, срезанного автогенном, вблизи уже не казался таким угрожающим, как издали.

Служебный транспорт, казалось, весь состоял из углов: квадратная кабина, прямоугольный кузов-кунг с многогранником командирской башенки, оборудованной перископом. На зеленой бронированной обшивке отчетливо проступали вмятины и швы синей окалины, оставшиеся после приварки дополнительных бронелистов. Похвальная и не лишняя предусмотрительность для автотранспорта в современном мегаполисе. Ячеистой решеткой из криво сваренных арматурин в палец толщиной было забрано ветровое стекло. Синий стакан проблескового маячка на крыше кабины был покрыт причудливым узором трещин и, похоже, давно не работал.

Без сомнения, машина давно успела выработать свой ресурс и поэтому была отдана в шкодливые ручки кадетской штрафкоманды. В автослужбе училища, должно быть, справедливо рассудили, что мальчишки быстро устроят досрочное списание грузовика в металлолом.

Из распахнувшейся двери кабины прыгнул на асфальт паренек, который первым вылез из подвала. В руке он держал пластиковый планшет с пришпиленным к нему скрепкой листом бумаги. Он бегом подскочил к крыльцу и ткнул планшетом в грудь жэквцу:

– Распишитесь!

– Позвольте, молодой человек! – встрепенулся старичок. – Не так быстро. Надо проверить и составить акт осмотра подвала на предмет отсутствия посторонних живых форм.

– Нет времени, у нас заявка еще на два дома. Давай, ставь автограф. – Кадет тыкал без тени уважения к возрасту. Старику пришлось подчиниться. Получив желанную загогулину на бумаге, подросток подчеркнуто вежливо откозырял лифтеру и опрометью бросился к грузовику.

Огнеметчик в мокром комбезе встал с тротуара и, выпрямившись в полный рост, оказался двухметровым верзилой. Он поднял вверх руку.

– Ура-а-а! Амнистия! – закричал один из кадетов и от избытка чувств сорвал с головы защитный шлем и высоко подбросил в воздух. Костяные хвосты весело застучали, переплетаясь друг с другом, словно ожившие змеи. – Качать Богданыча!

Кадеты подхватили на руки двухметрового огнеметчика и попробовали подбросить его вверх. Получалось плохо и невысоко. Виновник общей радости слабо сопротивлялся и неловко

пытался освободиться от дружеских объятий. Но было видно, что ему нравится радость и внимание друзей. Здоровяка еще пару раз качнули-подбросили и неаккуратно поставили на ноги.

– Может, даже домой отпустят! Экзамены давно закончились, – робко предположил кадет, у которого на шлеме было больше, чем у других, хвостов панцирохвостов, спадающих шелестящей волной на плечи, как пелерина. С первого взгляда было видно, что в команде он давно, и завязтому трофейщику очень хочется домой, а не в опостылевшую казарму. – Я так давно не видел маму.

Толпа на мгновение затихла. Всем без исключения хотелось в отпуск. Еще пара недель, и каникулы закончатся, а там и новый семестр не за горами: полгода изматывающей муштры и учебы.

– Это вряд ли, – серьезно произнес крепыш, продолжавший стоять на четвереньках. На четырех точках ему было удобнее сохранять равновесие. Похоже, ему крепко досталось в подвале.

После этого парни галдящей толпой рванули к грузовику, не забыв подхватить под руки и ноги товарища, так и не сумевшего подняться с газона. На этот раз несли правильно: головой вперед. Когда все вместе – хорошо! Никто не забыт в подвале, не брошен. А огнемёт... Фиг с ним, с огнеметом. Все равно эту железку списали еще две недели назад. По технике безопасности его нельзя было использовать из-за вмятины на одном из баллонов и на подтравливающем воздух регуляторе давления.

Кадеты, галдя, загрузились в бронированный кунг грузовика. Первым занесли на руках улыбающегося огнеметчика Богданова, бережно прижимающего к груди драгоценный костяной рог – их пропуск на следующий курс. А может быть, и на билет в отпуск. Кто знает? Черствые сердца командиров зачастую бывают отходчивы.

Начальник Президентского кадетского военного училища генерал-лейтенант Александр Владимирович Ильин частенько смотрел сквозь пальцы на выходки своих непоседливых питомцев, будущих офицеров державы.

Кожекрыл пронзительно завизжал, перекрывая рокотание двигателя, работающего на холостых оборотах. Похоже, поездки на армейском транспорте ему не особо нравились. Дитя неба не любил быструю езду по разбитым дорогам города.

Дверца кабины захлопнулась, лязгнув на прощание металлом.

Грузовик лихо развернулся на пяточке двора, сбив урну для мусора и изуродовав мощными протекторами газон с клумбой, редко засаженной одинокими цветами.

Малолетние штрафники задерживаться здесь больше не собирались.

– Шпана! – злобно бормотнул эковец себе под нос. И, непонятно к кому обращаясь, добавил: – Вот я в их годы... Эхе-хе!

Что он делал в их годы, старичок не успел рассказать. Из подвального окошка выползвыкарабкался саженного роста мужик, одетый в комбинезон повышенной биологической защиты, когда-то имевший ярко-желтый цвет, бряцая дополнительно нашитыми на плечах и груди защитными металлокерамическими пластинами.

Поднявшись с потрескавшегося асфальта, он незамедлительно направился к крыльцу. От него густо несло амбре, знакомым всем, кто хоть раз побывал в городских подвалах. Но запах плесени, нечистот, разложившейся органики и химии явственно перебивался кислым духом использованной огнесмеси.

– Где эти гаденыши?! – проревел мужчина, поднимая запотевшее изнутри забрало шлема. – Чуть живьем не зажарили, поганцы! – К запахам подвала и гари добавилась терпкая нотка свежего перегара.

Вместо ответа старичок пожевал губами и, обратившись к лифтеру, кратко объяснил, не вдаваясь в лишние подробности:

– Это Семеныч. Гм-м... наш штатный слесарь!

Проводив взглядом грохочущий грузовик, лифтер вперился в жэковца:

– Давай веди! Показывай, что тут у вас приключилось.

Старичок первым вошел в подъезд и начал подниматься по лестнице, отделанной под мрамор, шаркая ногами, обутыми в ботинки со стоптанными вовнутрь каблуками. Темные дубовые перила с потрескавшимся лаком и остатки вычурной лепнины под потолком несли на себе отпечаток той эпохи, когда строился этот многоэтажный дом. Похоже, подъезд знавал лучшие времена. Оглядываясь через плечо, старик безостановочно тараторил, вводя Шаржукова в курс дела:

– У нас в лифтовой шахте поселился кто-то из ментальных паразитиков. Неприятное соседство, сами понимаете. Жильцам мы ничего говорить не стали. Не стоит беспокоить людей по таким пустякам. Сами посудите, у нас сорок три этажа, без лифта никак не обойтись. На этой неделе «Скорую» вызывали шесть раз, а сегодня только пятница. У всех пострадавших один и тот же диагноз: глубокая депрессия, перемежаемая резкими всплесками беспричинной радости. Приступы необъяснимой эйфории так же резко сменяются еще более непонятной меланхолией. словно черная змея печали обвила их сердца. Извините за такое образное сравнение, но точнее не передать. Так вот, все это начинало происходить с нашими жильцами, когда те поднимались в лифте. Сейчас, гм-м, некоторые из них до сих пор лежат в районной неврологии. Врачи говорят, что они там надолго «прописались». Так и до судебных исков ЖЭКу недолго. Вот мы и решили вас вызвать. Посмотрите, проверьте, то да се.

Лифтер шел следом, не делая попыток прервать монолог.

«Черная змея печали. Плавали, знаем».

Старичок чересчур усердно сыпал фразами, словно не договаривая чего-то важного. Любой вызов коммунальщиков стоил денег. Чем сложнее вызов, тем дороже. Вызов кадетов-добровольцев стоил намного меньше, чем работа профессионалов. Разница в счетах, выставляемых Министерством обороны, была существенна по сравнению с оплатой городской Коммунальной Службе Спасения, в просторечье «каэсэсовцам».

Все, о чем рассказывал жэковец, пока укладывалось в привычные рамки. В лифтовой шахте обосновалась какая-то тварь, облюбовав бетонный ствол под логово.

Задача лифтера определить, что за нечисть, и принять меры в зависимости от обстоятельств. Несколько расплывчато и неопределенно, но так записано в инструкции. Черным по белому. Как хочешь, так и истолковывай.

Симптомы пострадавших жильцов указывали на то, что в шахте поселилась тварь, питающаяся человеческими эмоциями. Метаболизм таких существ основывается на том, что они паразитируют на чувствах людей, встраивая их в свою ментальную нейроцепь. Не самый худший вариант. Есть существа, которые жрут жизненные силы людей лишь до тех пор, пока не пройдут стадию личинки, а затем переходят на пожирание «свежего мяса». Вот тогда и начинается работа у Коммунальной Службы Спасения. Хотя главная задача каэсэсовцев – предотвращать такие инциденты, случающиеся все чаще и чаще...

Ход мыслей прервал громкий голос старичка:

– Вот мы и на месте. Можете приступать.

Они стояли на широкой лестничной клетке первого этажа. Старичок замер у ребристой дорической бетонной колонны, упирающейся в потолок. К раздвижным металлическим дверям лифта он предусмотрительно не приближался. Стараясь не встречаться взглядом с Олегом, он суетливо потирал руки.

– Посмотрим. – Лифтер поставил рюкзак на пол, выложенный кафельной плиткой разных размеров и цветов. Не подъезд, а сплошная эклектика стилей. – Послушаем. – Шаржуков расстегнул «молнию» на походном бауле и достал из внутреннего кармана микрофон направленного действия. А за ним из бесчисленных карманов и кармашков появилось и другое необходимое оборудование.

Перед тем как начать действовать, Олег достал из нагрудного кармана герметичный пенальчик и, сдвинув крышку вбок, вытряхнул из него на ладонь капсулу. Предпоследняя. Из руки красная капсула перекочевала за щеку. Так, на всякий случай. Лифтер еще на флотской службе крепко усвоил, кто бережет береженого. Лучше дуть на холодную воду, чем потом остаться без губ.

Щелк-щелк – и на уровне глаз удобно закреплена фиксирующим обручем панель наблюдения. В гнезда разъемов вставлен кабель камеры и активирована «горошина» микрофона. Лифтер включил аппаратуру в рабочий режим. Перед глазами пробежали столбики цифр, выведенных на панель. Приборы исправно работали, все в порядке, можно приступать к осмотру.

Шаржуков мысленно перекрестился и, наклонившись, просунул гибкий оптоволоконный кабель с камерой на конце под створку двери лифта. Он начал медленно и осторожно стравливать кабель в шахту.

Поначалу камера исправно показывала чернильную темноту, пока автоматически не переключилась в режим ночного видения. На панели высветились в зеленом мертвячем свете стены и стальные жилы тросов, уходящих вверх.

Никого и ничего необычного. Однообразная картинка и... полнейшая тишина. Ни скрежета лапок вездесущих тараканов, ни шороха мелкого мусора на дне, гоняемого сквозняком, не было слышно.

Оглушающую тишину в наушниках ненадолго разорвало гудение электромотора и лязг дверей лифта наверху. Кто-то спустился на пару этажей ниже. Хорошо, что на свете еще не перевелись лентяи, которым тяжело пройти ножками пару десятков ступеней.

За то время, что двигалась кабина лифта, в шахте произошли изменения. Неаккуратный наплыв бетона на стене неожиданно сдвинулся вбок... на целый метр.

«Ну, что там?!» – раздался громоподобный глас. Голос жэковца, усиленный микрофоном, раздался в ушах колокольным набатом, больно ударив по барабанным перепонкам. Лифтер чудом сдержался от чудовищной брани и показал кулак. Старичок поспешно прикрыл рот ладонью, показывая, что понял свою ошибку.

Стравив дополнительные метры кабеля с разматывающейся катушки, Шаржуков приблизил камеру к подозрительному наплыву бетона и аккуратно прикоснулся к нему объективом.

Стены неожиданно зашевелились и пошли волнами. Зеленоватый в ночной подсветке бетон сменился шевелящейся студенистой массой, расчерченной изломанными линиями, потом резко взбух бесформенным бугром и медленно опал. Бетонные стены потеряли очертания...

Сейчас в линзу камеры внимательно смотрел глаз с вертикальным зрачком и размером с чайное блюдце. По коже лифтера пробежали мурашки. Сразу захотелось гаркнуть во все горло: «Полундра, братцы!»

Глаз с чудной радужной оболочкой в золотистую крапинку смотрел холодно и равнодушно. Так повар смотрит на свежееобдранную тушку кролика, прикидывая, под каким соусом его приготовить.

Взгляд потихоньку начал затягивать, одновременно исподволь заполняя в нутро. В ушах застучали еле-еле слышимые погремушки. Чужие ритмы нарастали, завораживая разум и опустошая сознание.

Лифтер попробовал зажмуриться, но веки отказывались подчиняться хозяину. Глаз не желал отпускать новую жертву, непрощенно вторгшуюся в зону его внимания. Каэсэсовец глубоко вздохнул и последним усилием воли сжал челюсти, с хрустом раздавливая зубами капсулу. Во рту разлилась обжигающая небо едкая и одновременно вонючая жидкость. Клинышки вышибают. Чужая воля на прощание окатила разум и сердце человека холодно-щемящей волной.

Лифтер трясущимися руками поспешно сорвал с головы панель управления аппаратурой, больно оцарапав ухо. Комбинезон прилип к потной спине. О контакте с чужим разумом напоминала легкая трясучка рук и противная горечь во рту. Через несколько минут она уйдет без следа, если не сплевывать. Спасибо фармакологам Службы.

Теперь ему стала понятна и суетливость старичка, и кадеты, будто ошпаренные, выскакивающие из подвала, и слесарь, обвешанный дополнительной броней. Запустили дом. На всем экономят, крохоборы. Если бы регулярно проводили профилактические осмотры нежилых помещений, то до такого бардака не дошло бы. Вот и вырастили у себя под боком такую дрянь. Проморгали, скопидомы!

Примерно в таком порядке мысли сменяли одна другую в голове Шаржукова.

В шахте давно и прочно обосновался слизень-хамелеон. На сленге коммунальщиков именуемый гремучкой. Ментальный паразит особой опасности для жизни людей не представлял. Но как он смог вырасти до таких гигантских размеров? Ах да, экономия!

Старичок, пристально глядя на обливающегося холодным потом коммунащика, вкрадчиво поинтересовался:

– Что-то серьезное? Прошу вас, не молчите, молодой человек!

Вместо ответа лифтер попытался сцапать его за грудки и накоротке поговорить по душам. Объяснить, что они натворили, у-уроды!

Но старый прохиндей бдительности не терял и, перескакивая через несколько ступенек вверх, вихрем одолел половину лестничного пролета.

Терпимость к людям не была жизненным кредо лифтера. Но стоит ли отказываться от неучтенного заработка? Все равно его сюда пришлют. Как тут ни крути, это его территория. В воздухе явственно витал запах халтуры. Все более явственно принимая материальные очертания. Надо только подобрать двух-трех напарников понадежнее. Желательно с других участков города.

Нет, лучше двух. «Премиальные» легче и проще делить на меньшее количество участников будущей зачистки. В том, что снова придется лезть в шахту, Олег не сомневался. И чем быстрее, тем лучше. Негоже оставлять рядом с людьми проголодавшуюся тварь, вышедшую из спячки.

– Неужели все так серьезно? – продолжил старичок сверху, наблюдая с безопасного расстояния за лифтером, упаковывающим экипировку в штурмовой рюкзак.

– В шахте обосновался гигантский гремучий слизень-хамелеон. – Олег застегнул «молнию» на рюкзаке и распахнул комбинезон на груди. Его то морозило, то бросало в жар. – Никогда таких не приходилось видеть. Проморгали гремучку, уважаемый!

«Или неуважаемый!»

– Что вы говорите? – притворно удивился старичок, всплеснув руками. Он осторожно спустился вниз на несколько ступеней.

– Огромный ментальный паразит и, как следствие, такой же огромный штраф, – мстительно добавил лифтер.

– Не может быть! Это какая-то ошибка.

– Я смотрю, тут у вас все – одно сплошное недоразумение.

– Мы же с вами разумные люди, – еще несколько шажков, и жэковец оказался рядом с Шаржуковым, искательно заглядывая ему в глаза. – А люди должны уметь договариваться друг с другом. Мы же не звери с вами, в самом деле!

– Людей, живущих в квартирах, примыкающих к лифтовой шахте, придется отселить. Пока бригада!.. – Лифтер безапелляционно поднял вверх указательный палец и сделал каменное лицо, выдерживая драматическую паузу. – Подчеркиваю, пока бригада не очистит шахту! Одному тут делать нечего. Я не самоубийца!

Из рук в руки перекочевало несколько купюр, сложенных вдвое.

– Хм-м, – лифтер набычился, поджав губы. – Маловато будет. Все-таки здоровье людей – не пустяк.

– Больше нет! – отрезал жэковец, упрямо вскинув бородку клинышком. – Все, что могу.

Похоже, деньги были загодя приготовлены и отложены в карман. Все произошло слишком быстро и подозрительно оперативно. Как по плану.

Лифтер достал из сумки пластиковую табличку с надписью «Лифт временно не работает» и повесил на кнопку вызова. Для верности он обесточил шахту и заклеил металлическую коробку электрощита бумажкой с витиеватой росписью и неразборчивой синей печатью. Перед таким убогими символами власти народ всегда робеет.

– Вы нам совсем не помогли, – взъерепенился старик. – Скажите на милость, как людям на сороковые этажи подниматься. А-а?

– Ножками! Топ-топ, – ехидно ответил Шаржуков. – Здоровее будут. – Он закинул ремень сумки на плечо и двинулся к выходу из подъезда. Нестерпимо хотелось поскорее на свежий воздух.

– На щедрые премиальные можете не рассчитывать! – сорвавшимся голосом выкрикнул-выплюнул рачительный заказчик.

– Переживем! – громко хмыкнул лифтер, с натугой открывая тяжелую дверь. Солнце весело ударило в глаза, выбивая слезу и заставляя жмуриться. Уже тише он пробормотал себе под нос: «Никуда ты не денешься. Заплатишь, как миленький...»

Глава 2

За четырнадцать лет до описываемого события произошла катастрофа планетарного масштаба, заставшая землян середины двадцать первого века врасплох. Она затронула ни много ни мало судьбу всего человечества. Глобальные потрясения, как правило, всегда начинаются неожиданно.

Первыми вестниками Апокалипсиса оказались астрономы. Глашатаи Судного дня оповестили человечество: к Земле приближается комета. Данные стали проверять и перепроверять, но маршрут космического объекта остался неизменным. К несчастью, орбита Земли пересекалась с траекторией небесного тела, причем таким образом, что в определенный момент они непременно должны были встретиться. Огромная глыба с презрительной грацией стремительно приближалась к голубой планете. Комету обнаружила система постоянного патрулирования звездного неба, предназначенная для регистрации метеоров. С ее помощью все астрономические явления за определенные временные интервалы строго фиксируются специальной аппаратурой и заносятся в электронные журналы и на звездные карты. Затем полученные данные обрабатываются компьютерными программами и публикуются в специальных бюллетенях и астрономических журналах.

Но эту информацию сначала засекретили, чтобы избежать последствий, вытекающих из неизбежных в таких случаях паники и хаоса, и, пока судили да рядили, что делать дальше, кто-то из астрономов бескорыстно «слил» данные в международные информационные агентства, приложив доказательства в виде распечаток расчетов и фотографий.

Телескопы всех обсерваторий нацелились на незваную гостью, несущуюся с огромной скоростью в межзвездном пространстве. Начался отсчет последних дней человечества. Астрофизики подсчитали: удар такой махины должен не только стереть с лица Земли все живое, но и изменить орбиту планеты. Тунгусский метеорит смотрелся на фоне кометы, как муравей на фоне слона.

После сообщения астрономов все одновременно вспомнили о давно обещанном Судном дне. Предсказывать конец света было модным во все времена, человечество уже устало его ожидать. Из пыльных архивов на свет вытаскивались древние свитки папирусов и невнятные манускрипты средневековых предсказателей. Изю всех щелей, как черви после дождя, выползли новоявленные пророки и мессии. Разномастные кликуши были едины в одном: «Покайтесь, грешники! Грядет последний день!»

Христианская церковь, устав переубеждать заблудшие души, хранила молчание. Читайте Библию. Для христиан высшим авторитетом являются слова Священной книги, в которой сказано: «О дне же том или часе никто не знает, ни Ангелы небесные, ни Сын, но только Отец». А значит, когда именно наступит конец мира, мы предсказать не можем. Ни из каких явлений видимого и невидимого мира невозможно это вывести.

Попытки предотвратить опасную встречу жители Земли стали предпринимать немедленно. Ученые предложили военным запустить в комету ядерную стратегическую ракету, а лучше несколько. В ответ армейцы покрутили у виска и поделились с общественностью давно наболевшим: яйцеголовые в белых халатах лишь по недоразумению называются учеными. Чтобы нести горячечный бред, необязательно заканчивать академии. Достаточно выучить алфавит, чтобы прочесть тактико-технические характеристики ракет с ядерной боеголовкой. Выяснилось, что при подрыве кометы боеголовками произойдут такие изменения в атмосфере, что всему живому на планете стопроцентно придет конец. На робкий вопрос, адресованный военным: «Что делать?» и «Как поступить?», от атеистов из Министерства обороны пришел по военному лаконичный ответ: «Молиться!» Другой альтернативы нет.

Военные, как всегда, попали в десяточку. Похоже, молитвы были произнесены от души. Во всяком случае, они были услышаны.

Ядро кометы представляло собой исполинскую глыбу льда, наштигованную мелкими и средней величины камнями с фрагментами железосодержащих пород. И когда небесная странница совершала свой разворот рядом с Солнцем, то, по стечению небесных обстоятельств, она слишком приблизилась к нашей звезде. Горячее дыхание светила испарило практически весь лед, и, не связанные больше ничем между собой, осколки бывшей кометы вытянулись в метеоритный рой.

Астрономы поспешили обрадовать и успокоить человечество: все в порядке, вместо Апокалипсиса ждите, может быть, более яркий, чем обычно, но все-таки заурядный метеоритный поток. Всеобщая паника улеглась, не успев набрать всеокрушающие обороты хаоса. Лозунгу: «После нас хоть потоп!» – не удалось воплотиться в жизнь. Жители планеты Земля приготовились наблюдать «огненный дождь».

В тот памятный день, казалось, что небо разрывается на части, космические осадки «выплеснулись» днем. На небесном куполе свершилось красочное шоу. Небо испятнали вспышки, в атмосфере Земли появилось свечение. Встреча планеты и космических скитальцев состоялась. Метеоритный дождь, начавшийся с завораживающей красоты, постепенно ослабел и сошел на нет.

Конец света прошел вяло и горячих ожиданий не оправдал. Но все-таки с огоньком. По законам канонических писаний, последний день Земли должен был начаться с соответствующих событий и знамений: огонь с небес, мор, дождь из камней и далее по тексту. Закончиться все должно было тотальным улетом. Праведники наверх, возносятся на небеса, остальные товарищи-граждане попадают этажом ниже. Из всех обещанных «спецэффектов» состоялся лишь один: дождь из камней.

Люди, затаив дыхание, наблюдали за ярко светящимися звездочками, проносившимися по небосводу. Многие вспомнили бытовавшее издревле поверье: если увидишь падающую звезду и успеешь загадать желание, то оно обязательно сбудется. Наверное, у всех загадавших желания были разные. Тут уж ни с кем не поспоришь. Похоже, что у кого-то было намерение испортить жизнь всем людям на Земле, нагадить, понимаешь, в мировом масштабе. Как ни странно, мизантроп был услышан. А может, его планы не шли вразрез еще с чьими-то задумками? Так незаметно и подкрадывается конец света, не с ядерных взрывов или извержения вулканов, а с ярких росчерков падающих с неба звездочек.

Шоу закончилось. Человечество облегченно перевело дыхание. Пронесло. В очередной раз. Люди вернулись к привычным делам, жизнь вошла в старое русло. Граждане засуетились вновь, погрузившись в свои проблемы, изредка поднимая головы к небу. Астрономы докладывали: «Небосклон чист! Опасности нет!»

Обошлось малой кровью. Список жертв ограничился сухими цифрами медицинской статистики сердечных приступов и полицейскими сводками о суицидах. Хотя кривая смертности и перешагнула за рамки обычного, но, учитывая неординарность события, ни у кого удивления не вызвала. Ожидаемый коллапс власти, массовые беспорядки, развал экономики так и не наступили.

Войсковые соединения, приведенные, как перед войной, в состояние повышенной боевой готовности, получили команду: «Отбой!» Жизнь потихоньку налаживалась, входя в привычную колею. Человеческая психика гибкая и подвижная, быстро приспосабливается к любым изменениям. Мракобесы затаились до лучших времен, пообещав, что самое интересное еще впереди, и как в воду глядели.

Не прошло и пары лет после звездного дождя, окропившего грешную Землю, как проявились его последствия. Метеориты, не сгоревшие в атмосфере и упавшие на планету, «дали всходы».

О начале второй серии Апокалипсиса объявили биохимики. Похоже, ученые взяли на себя роль вестников плохих событий. Сначала поодиночке, робко, чтобы не потерять уважение среди коллег и не подвергнуть сомнению свои ученые степени, а потом дружно и громко они заговорили во весь голос.

Сразу после падения большинство метеоритов было собрано с поверхности Земли и отправлено в научно-исследовательские лаборатории. Анализ показал, что космические странники содержали в себе особые белковые соединения. Сначала наличие живой материи попытались объяснить загрязнением объектов исследования веществами земного происхождения, но дальнейшие исследования заставили критиков замолчать. В разных научных центрах, независимо друг от друга, сумели распознать внеземные бактерии. Ученые установили, что те осколки кометы, которые попали в нашу среду, активировались. Бактерии во время путешествий в межзвездном пространстве оказались способными принимать форму спор, образуя вокруг себя твердую защиту. Эта оболочка, как природный скафандр, помогла им выдержать холод космоса. Звездный дождь засеял Землю примитивными чужаками, опасными для существующих форм жизни. Во время исследований выяснилось, что они изменяют ДНК во много раз быстрее, чем даже такой сильный мутагенный фактор, как жесткая радиация. Почему – оставалось невыясненным. Бескрайний космос полон тайн и загадок.

Способ их размножения стал загадкой для ученых, причем оставлять потомство на Земле бактерии, видимо, не собирались. Они стали трансформировать генный код клеток других живых организмов. Идеальный мутаген, свалившийся в прямом смысле на голову, вызывал изменения в некоторых земных организмах. Стали возникать новые популяции живых существ, потеснив старые. Так появились первые мутанты. Непрерывающиеся перемены, неотвратимые и неизбежные, как день и ночь, образовали мир, в котором человеку предстояло доказать свое право на существование.

По необъяснимой причине эта напасть не затронула людей, птиц и крыс. То ли бактерии побрезговали, то ли у природы имелись другие планы на роль этих популяций в спирали эволюции. Пока...

Это было удивительно, но крысы не превратились в огромных серых монстров с метровыми розовыми хвостами и внушительными клыками, не встали на задние лапы и не стали, подкрутив усы, отвоевывать у приматов поверхность. Они продолжали бегать, хитро попискивая, по своим крысиным делам. Симбиоз с венцом природы их вполне устраивал. Серые орды комфортно чувствовали себя в городах. Крысы не собирались тягаться силой и смекалкой с людьми, которые волей-неволей поставляли им кормовую базу. Что может быть слаще тухлых объедков? Просто люди еще не доросли до понимания настоящего вкуса.

В авральном порядке армию переориентировали на отлов и отстрел мутантов на суше, в воздухе и на море с последующим изучением и утилизацией. Люди в погонах, засучив рукава камуфляжных курток, занялись привычным и... любимым делом: делать живое мертвым. Вскоре военные обнаружили, что остались без работы. Бурный всплеск мутации на большей части планеты они свели на нет. Агрессивные уродцы проиграли схватку с современной армией.

Всепланетное сафари закончилось, за одним «но». Жизнеспособные формы мутантов смогли закрепиться в городах. И не просто в городах, а исключительно в мегаполисах. В человеческих поселениях из бетона, металла и стекла они чувствовали себя уютно и комфортно, будто всегда здесь жили. Городская среда обитания пришлась им по вкусу. Специалисты по эволюционной теории выдвинули гипотезу, что всевозможные электромагнитные излучения, пронизывающие город, и специфическая атмосфера загрязнения, повсеместно сопровождающая горожан с момента рождения и до конца жизни, – идеальные условия для мутировавших животных. Более внятной гипотезы ученые не смогли выдвинуть.

С появлением первых мутантов все эти ползающие, летающие и плавающие твари стали самыми популярными объектами всеобщего внимания. Не было недостатка в фантастических спекуляциях на всем, что касалось новых форм жизни. Но со временем мода на мутантов спала, и они прочно вписались в повседневную жизнь человечества, а досужие домыслы заслуженно были позабыты. Что же осталось? То, что привлекало исследователей с самого начала. Мутанты сумели идеально приспособиться к городской среде обитания. Все их органы чувств, дыхание, кровообращение и многое другое работали почти как и у обычных живых существ, например у человека, но чуть-чуть иначе. Вот над этим «чуть-чуть» и бились научные мужи в лабораториях, обставленных по последнему слову техники. Битва продолжалась, то затухая, то вновь разгораясь с новой силой, выдавая «на-гора» очередную гипотезу.

Человечеству и мутантам, старым и новым видам жизни, пришлось приспособливаться друг к другу. Люди не теряли надежды извести под корень непрошенных соседей. Те, в свою очередь, продолжали упорно цепляться клыками и когтями за новое жизненное пространство.

Особенно преуспели кожерылы. Потомки летучих мышей взирали на человечество из поднебесья, величаво барражируя на восходящих воздушных потоках.

В одночасье Москва пережила настоящее нашествие кожерылов. Раньше небесные просторы мегаполиса заполняли обыкновенные сизые голуби. Большие скопления птиц приносили массу хлопот, загрязняя пометом крыши и фасады зданий, не обделяя вниманием памятники культуры. Но теперь крылатые хищники, мутировавшие из маленьких и застенчивых летучих мышей, быстро адаптировались в городской среде, нарушив небесное равновесие. Они, проигнорировав ворон и воробьев, включили голубей в свою пищевую цепочку. Символ мира и обновления жизни стал повседневным рационом кожерылов. Летучие мутанты быстро расплодились, захватывая все новые территории города, сначала сильно потеснив, а потом и вовсе истребив привычных голубей. Сизокрылая голубка – повседневная и неотъемлемая черта города – поменялась на зубастого кожерыла. От этого ситуация в небе города не изменилась в лучшую сторону. Теперь уже перепончатые твари «красили» своим пометом все те же крыши и безответные скульптуры. Как обычно, больше всего доставалось бронзовому Юрию Долгорукому на Тверской.

Перед новоселами не спасовали лишь московские вороны. Крепкие клювы и умение слаженно действовать стаяй помогли им какое-то время удерживать шаткое равновесие с оккупантами родных крыш. Но и время каркуш тоже было сочтено. Хрупкий паритет долго не продержался. Кожерылов становилось все больше, а пернатых все меньше. По статистическим выкладкам получалось, что городские орнитологи в скором времени и вовсе останутся без работы.

В борьбу с новыми особями попытались внести свою лепту биологи. Ученые предложили избавиться от тварей при помощи пернатых хищников, таких, как ястребы. Так сказать, вышибить клин клином. Но выпущенные над городскими просторами степные птицы не стали связываться с новыми хозяевами крыш и с тревожным клекотом унеслись прочь, бесследно растаяв в небесной выси. То же самое произошло и с соколами. Еще через несколько попыток от подобного метода пришлось отказаться как от сильно затратного для городского бюджета.

Единственным памятником, который не пострадал от помета кожерылов, стал сорокапятиметровый медный гигант на Москве-реке. Повезло Петру Первому, которому не подфартило с выездом за границу. Изначально он был задуман как памятник Христофору Колумбу, а затем, после того, как от него отказались в Америке, скульптор, чуть-чуть трансформировав памятник в фигуру русского царя, установил его в Белокаменной. И теперь кожерылы с испуганным визгом далеко облетали застывшего над мутной водой исполина в кирасе и в неуместной для российского климата бронеюбочке вместо кафтана. Самый страшный памятник города в очередной раз оправдал свою репутацию. Почему кожерылы панически боялись статуи, так никто толком и не смог понять. Феномен, одним словом.

* * *

Мелкая и крупная нечисть, заселившая город от подземных коммуникаций до чердаков высоток, недвусмысленно, а порой и достаточно нагло заявила свои права на столицу. Мэр Москвы почесал голову и, посоветовавшись с собственным отражением в зеркале, решил, что все это – явные признаки катаклизма в одном отдельно взятом городе. Весь мир может катиться в тартарары, но за спокойствие и порядок в своей вотчине глава мегаполиса готов был отдать все. Роль санитаров города поручили выполнять коммунальщикам. Так был заложен первый кирпичик в фундамент новой Коммунальной Службы Спасения.

Неведомо, какие испытания и сюрпризы готовили новой Службе грядущие дни. Будущее всегда туманно и неопределенно. После метеоритного дождя человечество ничего хорошего от Вселенной не ждало.

Правда, военные сказали, что на своих объектах порядок будут поддерживать сами. Только гражданских им не хватало на подведомственной территории. Еще неизвестно, что для них будет хуже: недисциплинированные беспогонники или мутанты.

И вот теперь работникам Коммунальной Службы Спасения, каэсэсовцам, приходилось заниматься тем же, чем и их предшественникам: латать, ремонтировать и обеспечивать жизнь города, но теперь уже с поправкой на реалии сегодняшнего дня. В их нынешней службе требовалось умение действовать в любой, даже самой экстремальной обстановке.

Поэтому необходимо было «обкатать» каэсэсовцев в ситуациях, граничащих с экстремальными, чтобы предотвратить совершение ошибок. Все просчитать невозможно. В нестандартной ситуации каэсэсовец должен был уметь думать непосредственно на месте охоты, научиться ориентироваться в бою во время схватки с тварями. Стоило максимально быстро и правильно заточить коммунальщиков под нужды мегаполиса. Нарастить запас прочности в сотрудниках Службы.

Кадровики предъявляли высокие требования к новичкам – кандидатам на зачисление, и очень высокую планку выставляла им работа.

В своих зонах ответственности сотрудники Службы истребляли всех мутировавших животных, если не было прямого приказа начальства о поимке экземпляра нового вида для исследования в научных лабораториях. Стараться даром для ученых никто не собирался, любой труд оплачивался звонкой монетой.

Через некоторое время у новых героев нашего времени произошло расслоение. Смотрители высоток более чем снисходительно стали относиться к ходящим по асфальту тротуаров коллегам. Они плевали на них с верхотуры в прямом и переносном смысле. Случались прецеденты и похуже. На крышах туалеты не предусмотрены. У отдельных хулиганов-верхолазов подобное действие считалось особым шиком. Стражи подземелий относились к коллегам не лучше. Ситуацию надо было исправлять, а дисциплину укреплять. Товарищей по Службе надлежало сплотить. Тогда, не мудрствуя лукаво, командование решило время от времени менять их местами. Все гениальное просто и лежит на поверхности, надо только наклониться и поднять.

Конечно, сразу нашлись недовольные. Но руководство терпеливо разъяснило, что от потенциальной взаимозаменяемости повысится уровень боеспособности Службы, поэтому несогласным с планами начальства придется выбирать: участвовать в переменах или сойти с дистанции.

Начальник Коммунальной Службы Спасения твердо придерживался мысли, что волен творить с подчиненными все, что считает нужным, если это способствует повышению безопасности горожан. И ведь не поспоришь с тем, кто радеет о благополучии людей.

Вперед! Выполнять!

И вот идея приказа, незримо витавшая в воздухе, стала трансформироваться в форму лаконичных слов на бумаге.

Начальники отделов, получив вводную, спущенную с самого верха, не стесняясь, срывали злость на заместителей: «Нас тут нагибают! Чтоб к утру у меня лежал на столе план мероприятия по взаимозаменяемости и овладению смежными профессиями! Понятно?!» Рядовые каэсэсовцы испытывали точно такие же чувства, но наорать им было не на кого. Им оставалось делать вид, что служба на улицах и в подземельях города – отдельно, а стоящий в центре Москвы небоскреб, где заседает руководство КСС с исходящими из него приказами и директивами, – отдельно.

В главном офисе Коммунальной Службы Спасения дым стоял коромыслом. В чистых и уютных кабинетах с кондиционерами царил суетливая беготня. Началось великое бумажное согласование. Шестеренки бюрократического аппарата завертели с возросшей скоростью.

Коммунальщики стали постоянно проводить совместные учения, где в одну кучу сгребали разные отделы и подразделения КСС. Так, электрики вместо подземелья оказались на крышах высотных зданий, а антеннщиков загнали сразу аж на третий уровень подземелий. Ничего, крепче будут, если, конечно, выдержат проверку. Настоящий характер городского бойца выковывается в постоянных передрягах. Командование не ощущало недостатка в новых задумках для испытания подчиненных. Теперь, на сегодняшний день, да и на все ближайшее будущее, служба проходила под лихим девизом: «Невозможное – возможно!» Начальство, вдохновленное впечатляющими результатами, довольно потирало руки. Даже решили заказать отличительный шеврон с вышитым девизом для тех, кто освоил три и больше смежных специальностей, но финансовая служба показала мозолистую фигу и сообщила, что лимит средств исчерпан на полквартала вперед. Кто будет отвечать за перерасход, не предусмотренный ни одной финансовой статьей? Инициатива угасла сама собой, чего нельзя было сказать о бесконечных вводных, спускаемых сверху. Очень скоро кабельщики и ассенизаторы перестали путаться в сетях на покатых крышах, отлавливая кожекрылов. Эти дети подземелий стали, как заправские верхолазы, карабкаться на шпили башен, выжигая гнезда воздушных бестий. Страх перед высотой остался в другой жизни. В то же время кровельщики и антеннщики перестали сбивать лбы о низкие своды подвалов. Если поначалу даже трескучие звуки безобидного щелкунчика нагоняли на них жуть, то через пару рейдов они мечтали встретить иглоголова. Посмотрим, кто кого? Тварь редкая, но платили за ее уничтожение хорошо. Молодость, адреналин плюс деньги – неплохие мотиваторы, чтобы служить, и служить хорошо. Назвать работой то, чем занимались каэсэсовцы, язык не поворачивался.

Магия подземного мира имела свои особенности. Одним давила на психику, других, наоборот, приводила в состояние, близкое к эйфории. Вторых было меньшинство, но зато, хоть раз спустившись под землю, они становились завсегдатаями городских катакомб.

Олег, тогда еще совсем зеленый лифтер, навсегда запомнил свой первый спуск в подземелье. Координатор учений, равнодушно лязгнув металлическим гермозатвором, захлопнул за ними бронедверь шлюза с глумливой ухмылкой, бросив ободряющее: «Ни шагу назад!» На этом его координация по взаимодействию со смежниками закончилась, а свет остался за четырехсантиметровой толщиной брони. Начались «ходовые испытания» новичков.

Задача у команды молодых лифтеров была простая: добраться до следующего выхода целыми и невредимыми. Сыпя проклятиями и ругательствами, новички прокладывали огнеметом дорогу сквозь живой ковер псевдослизней и выводка панцирохвостов, подыскивающих себе новое жилье. Неизвестно, кто больше испугался: твари, без оглядки улепетывавшие на нижние уровни, или новички, оставляющие за собой пепел и обуглившиеся тушки. Новобранцы, теряя снаряжение и амуницию, рвались наверх, к жизни и солнечному свету...

На выходе, когда они выбирались на поверхность, их встречал все тот же координатор учений. Он удивленно спросил, подняв брови:

– Как вам удалось так быстро добраться?

– Столкнулись с панцирохвостами, – ответил за всех Шаржуков, переводя сбившееся дыхание. – Разобрались. Чего медлить?

– Молодцы, салаги! Сразу видно настоящую каэсэсовскую закваску!..

В тот первый рейд Олег познакомился со своим будущим другом Алексеем Бормотовым. Были они с Лешей одного роста: метр восемьдесят два. Стройный Бормотов казался немного выше на фоне кряжистого друга. Простецкое выражение его лица могло обмануть постороннего человека. Те, кто общался с ним поближе, не обольщались, зная его хитрющий нрав. Серые стальные и такие же холодные глаза не вязались с постоянной подкупающей улыбкой. У волевого товарища любимым занятием было дурачить людей, прикидываясь лопухом.

У обоих были короткие стрижки с преждевременной проседью: у Олега на висках, у Алексея почему-то на макушке.

Взгляды на жизнь у друзей совпадали там, где было необходимо уважать чужую индивидуальность, не допекать мелочными придирками и не лезть друг другу в душу. О дружбе у ребят также были одинаковые представления: друг – такой человек, свой в доску, с которым можно поделиться последним, который тебя поймет и не предаст, даже если ты не прав.

И еще, безусловно, друзьям нравился риск, когда во время схваток с тварями в кровь вбрасываются лошадиные дозы адреналина. Стресс в моменты опасности, когда ты один на один против всего мира, давал «волшебный пинок» организму. Непередаваемое чувство, когда кажется, что кровь в венах закипает от выброса разбушевавшейся энергии. Но специально за адреналиновым кайфом они не гонялись. Жизнь и так была ключом. С другой стороны, без риска она слишком пресная. Обыденная, размеренная жизнь: дом – работа – дом, была не для них. На вопрос: «Чего я хочу?» – два друга-каэсэсовца давно нашли для себя ответ: «Жить на полную катушку!»

Но и безбашенными парни не были. Всегда действовали, просчитывая все возможные варианты развития событий, при любой возможности наращивали свой профессионализм. В риске ради риска они не видели смысла и патологией экстремалов не страдали. Друзья не были, да и не хотели быть обычными людьми, с обычной судьбой. Всегда можно совершить то, что у других никогда не получалось. Сделать что-то невозможное и сказать себе: «Я могу!»

Их начальнику отдела, которого все звали исключительно по отчеству, Михалычем, приходилось нелегко. Пожилой каэсэсовец был похож на старого медведя, уставшего от жизни. Когда он пытался учить друзей уму-разуму, Олег предпочитал отмалчиваться, а Леха выдвигал вперед нижнюю челюсть и начинал «через губу» цедить с презрительной небрежностью издевки и подколки, в пух и прах разбивающие аргументы начальника. Он не желал слушать набившие оскомину ценные указания, переходящие в нотации. В конце концов Михалыч махнул на друзей рукой, посчитав воспитание оболтусов бесполезной тратой нервов, и заканчивал душеспасительные беседы всегда одинаково:

– Уйдите с глаз моих долой, оглоеды!

Впрочем, начальник прекрасно понимал, что на такой службе покладистые исполнители не выжили бы и одного дня, и свободолюбивый нрав друзей – это такая же служебная необходимость, как прекрасная физическая форма.

Да, кадры решают все. В свое время вместо людей хотели использовать под землей новейшие научные и технические разработки. Обратились в закрытые оборонные центры. Там за короткий срок и безумные деньги секретные армейские боевые роботы подверглись разным модификациям, превратившись в гражданских роботов-охотников. Специалисты из военно-промышленного комплекса расстарались на славу. Но, как это обычно происходит при освоении бюджетных средств, на первых же «полевых» испытаниях в подземных коммуникациях мегаполиса боевые механизмы с кибернетическими мозгами исправно показывали один и тот же результат. Эффективность их работы стабильно равнялась нулю.

Нырнув под землю, роботы тут же замирали, превращаясь в стальные болванки с электронной начинкой. Неподвижные изваяния, поблескивая броней корпусов, являли собой примеры человеческой непредусмотрительности. Казалось бы, все просчитали... но, как выяснилось, кроме одной мелочи. Так себе, небольшой пустячок. Любой радиосигнал, при помощи которого посылались команды, гасился толщей земли. А тут, как в многослойном торте, асфальт, бетон и почва надежно экранировали приемную антенну от команд оператора. Стали пробовать разный диапазон частот – то же самое. Любой сигнал глушился уже в нескольких метрах от поверхности. Самоходные радиоуправляемые роботы-охотники оказались бесполезной кучей драгоценного металлолома.

Тогда стальных помощников попробовали переключить на проводное управление, в результате получилось, что как шагающие и ползающие разведчики они еще годились на небольшие расстояния, но не более чем.

Неповоротливые и неуклюжие уродцы вызывали жалость и насмешки каэсэсовцев. Аппараты, управляемые по проводам, и в подметки не годились самому зеленому стажеру. Роботы не смогли на равных тягаться с человеком. Интуиция и опыт людей лидировали с заметным отрывом, намного опережая все чудеса очередной научно-технической революции. И так, машины были отправлены на доработку, и вскоре о них благополучно забыли.

После провала с техникой экспериментаторы попробовали использовать в катакомбах собак. Но выдрессированные грозные волкодавы, попадая под землю, начинали вести себя, как необученные щенки: поджимали хвосты и жалобно выли, на них не действовали никакие приказы и наказания. Навыки в катакомбах не срабатывали, псы отказывались работать в непривычных условиях. Из многочисленного собачьего племени уютно чувствовали себя в подземном мире лишь таксы. Но собачки, похожие на четырехлапый батон колбасы, годились лишь на прокорм мутантам. Да, людей не заменишь ничем.

Сразу же встал вопрос с вооружением у каэсэсовцев, вначале с этим тоже возникли проблемы.

Пришлось отказаться от использования в тоннелях карманной артиллерии. Обычные гранаты, а также подствольные, ручные и автоматические гранатометы были сразу же исключены из арсенала подземных бойцов. Та же участь постигла и все виды мин. Любые взрывчатые боеприпасы оказались в равной степени чрезвычайно опасны как для мутантов, так и для коммунальщиков. Любой взрыв в замкнутом помещении многократно усиливается, вызывая контузию или баротравму. Поэтому без специального разрешения, завизированного в самых высоких инстанциях силовых ведомств, и без чрезвычайных мер безопасности взрывчатку в катакомбах никогда не использовали. Что-то взрывать в тоннелях, пронизанных всевозможными коммуникациями, в том числе и городского газопровода, было сродни метанию кирпичей в стеклянном доме. Себе дороже выйдет. Такая же участь постигла автоматическое оружие с обычными патронами.

Стандартные двухэлементные пули, состоящие из оболочки и стального сердечника, лихо рикошетили, разлетаясь во все стороны, калеча и убивая охотников за нечистью ничуть не хуже гранатных осколков. Убойная дальность и сила рикошета сводили на нет плотность автоматического огня. Поэтому современную боевую пулю заменили на легко разрушаемую с «контролируемой баллистикой». Такие патроны, наполняемые дробинами и жидким тефлоном, попадая в тело, образовывали конический поток мелкой дроби, нанося страшные раны. При попадании в стены или твердые поверхности они легко разрушались, не отскакивая от них. Но модифицированные боеприпасы не смогли решить проблему. Палить по мелким и вертким тварям сравнительно дорогими патронами оказалось накладно и неэффективно. А некоторых мутантов, покрытых природной панцирной броней, такие пули и вовсе не брали.

Тогда свое веское слово сказали химики. Арсенал каэсэсовцев пополнился разнообразными отравляющими шашками, аэрозолями и незаменимыми огнеметами.

И военные, и каэсэсовцы одинаково любили это мощное и крайне эффективное оружие. Огонь обращал в бегство любого самого опасного и защищенного от какого-либо другого способа уничтожения мутанта, в общем, выжигал любые экземпляры. Но, к сожалению, пришлось отказаться от современных моделей реактивных огнеметов. Легкое и удобное оружие оказалось слишком мощным, чтобы использовать его в условиях мегаполиса. Это все равно как прихлопнуть кувалдой муху на стеклянном столе. Иначе говоря, последствия стрельбы из реактивного гранатомета были бы просто катастрофическими. Выстрел боевой ракетой-капсулой был термобарическим: избыточное давление и высокая температура уничтожали всех и вся, оказавшихся рядом с мутантом. Но никто не хотел оставлять после себя обуглившиеся и закопченные руины. Поэтому, недолго думая, стали искать альтернативу.

Хорошо, что вспомнили о старых складах НЗ (неприкосновенного запаса) на случай войны. Бережливые армейцы не спешили сдавать в утиль устаревшие образцы вооружения. Из закровов извлекли древние струйные ранцевые огнеметы. Чтобы поставить «огнедышащих ветеранов» в строй, достаточно было стереть с них пыль и заправить пустые баллоны огнесмесью.

Вспомнили и приобщили к делу старые добрые тесаки, ловчие сети и капканы с гарпунами-арбалетами всевозможных конструкций. Век сегодняшней шел рука об руку с почти забытым прошлым.

Итак, разобравшись с вооружением и экипировкой, служба коммунальщиков стала постепенно принимать все более ясные очертания.

И как в любой организации, находящейся в процессе становления, без казуса не обошлось. Накладочка произошла из-за нагрудных нашивок сотрудников Специального ремонтного управления Службы. Они наотрез отказывались пришивать на грудь идентификаторы, начинающиеся с неблагозвучной аббревиатуры СРУ. Ситуация на самом деле оказалась не настолько смешная, как это могло показаться на первый взгляд, поскольку приближался ежегодный строевой смотр, никому не нужный и поэтому неизбежный, и каэсэсовцы из Специального ремонтного управления с трудом удерживали равновесие, балансируя на грани между забастовкой и открытым бунтом.

Первый рапорт главного ремонтника, брызжущий слюной и желчью, начальник Службы просто проигнорировал. Может, потому, что он был в давних контрах с начальником ремонтного управления, а может, главный каэсэсовец просто посчитал этот инцидент забавным? В следующей официальной бумаге ремонтник уже слезно молил о необходимости поменять аббревиатуру на менее пикантную.

Потом секретарша главного рассказывала в курилке подружкам из делопроизводства, как шеф неприлично ржал во весь голос, накладывая резолюцию на официальную бумагу. На втором рапорте он написал непривычно разборчиво и членораздельно: «Начальнику Специального ремонтного управления Коммунальной Службы Спасения. Запомните! Идентификаторы с буквами С, Р и У просто так не дают. А если дисциплина хромает, так я ВАМ помогу! Не нравится: клади удостоверение на стол и пшел вон в отдел кадров за расчетом. И вообще, почему я должен метать бисер, объясняя прописные истины?!»

В таком хорошем расположении духа секретарша давно не видела своего шефа. Поставив последнюю точку на резолюции, начальник Службы хлопнул в ладоши, будто мальчишка, и, показав фигу невидимому собеседнику, произнес: «Шиш тебе! У нас единоначалие. Я говорю, ты выполняешь! Это мои солдатики! Только мне решать, как в них играть».

Стальная воля командира и сила приказа в очередной раз доказали, что они могут творить чудеса.

Глухой ропот ремонтников, готовый перерасти в бунт, был подавлен в зародыше. На строевом смотре парочка острословов мгновенно лишилась будущих премиальных на пару кварталов вперед. Остальные каэсэсовцы, стоящие ровными шеренгами на плацу, тут же проник-

лись пониманием и сочувствием к коллегам из ремонтного управления. Начальник Службы прошелся вдоль строя, выборочно проверил наличие жетонов и нет ли нарушений формы у личного состава.

Все каэсэсовцы без исключения имели жетоны с личным номером и группой крови. Жетон с выбитыми на нем цифрами – опознаватель, позволяющий узнать погибшего или пострадавшего, и поэтому был обязателен к постоянному ношению для всех сотрудников. Цифры на «смертнике» всегда совпадали с номером личного удостоверения. К нему прилагались цепочка и регулируемый по длине браслет. Хочешь, носи на шее, хочешь – на запястье. Кому как удобнее. Шаржуков носил «собачью бляху» на связке ключей. Жетон всегда с собой. Никто из начальства не придерется, что он нарушает инструкции. Информация дублировалась на специальной нашивке на комбинезоне с левой стороны груди. Полимерная нить, которой вышивали личный номер, была несгораемой и стойкой к химическому воздействию агрессивных кислот. Нелишняя предосторожность. Некоторые суеверные каэсэсовцы считали ношение жетона плохой приметой, не зря же личные медальоны называют «смертниками», а от именной нашивки никуда не деться. Всегда на виду.

Удостоверившись, что подчиненные ничего не нарушают, начальство отбыло в свой кабинет заниматься делами важными и неотложными. На этом строевой смотр и закончился.

Есть люди, которые стыдятся носить свою форму. Особенно отличаются этим полицейские. Они ходят на работу и с работы в «гражданке».

У каэсэсовцев же все было с точностью до наоборот. Носить форму у сотрудников Службы считалось особым шиком и признаком элитарности. Мутанты взяток не дают, и содрать хоть шерсти клок с их шкур, просто размахивая перед оскаленной пастью полосатой палочкой, не получится. Парадную форму надевали в исключительных случаях. Предпочтение отдавали повседневным комбинезонам с отличительными знаками КСС. Форму они носили как при выездах на дежурства, так и на улице во время торжеств и праздников. Рабочая одежда была предметом гордости, символом того, что ее владелец – истребитель городской нечисти. Красный комбез рождал чувство собственного достоинства и гордости за свои реальные и мифические достижения, позволяя снисходительно относиться к другим людям. Смотрите: мы постоянно на передовой, на невидимой линии фронта, а вы за нашими спинами в тылу. Каэсэсовцы были холодны к собственным нуждам и горячи к нуждам других, оставаясь обычными людьми из плоти и крови со своими достоинствами и недостатками. Красными комбинезонами в пятнах, заплатках и со следами химических ожогов они очень гордились. Понемногу, с течением времени, Служба превратилась в обособленную социальную группу, если хотите, касту, регламентируемую писаными и неписаными правилами...

Глава 3

А правила жизни в подземных каменных джунглях мегаполиса ничем не отличались от законов выживания в зеленых джунглях Амазонки или каких-нибудь других местах, обойденных цивилизацией. Здесь выживал сильнейший и хитрейший. Естественный отбор, так сказать, в самом примитивном своем виде. Более сильный всегда сжирает слабого.

В подземном мире, так же как наверху, выигрывал, конечно, человек. Он с заметным отрывом лидировал в гонке, где главным призом была жизнь. Конкуренцию в этом бесконечном забеге ему мог составить только такой же Homo Sapiens, как он.

Култ силы незримо витал в затхлом воздухе бетонных лабиринтов. Военные и каэсэсовцы не отставали от мутантов, которые, в отличие от людей, не нападали, когда сыты. Тем более твари лишь в редких случаях кромсали себе подобных. Зато, благодаря зубодробительным методам в первую очередь военных, контролерам подземного мира удалось отвалить от тоннелей и держать на поверхности основную массу человеческой шушеры, которую как магнитом притягивали катакомбы города. А желающих, поверьте, хватало. Кто только не пытался пробраться в подземелья! Начиная с любопытных пацанят и заканчивая профессиональными браконьерами. Бомжи не в счет, у них, как и у животных, нюх на любую опасность. Поэтому насиженные места у теплоцентралей были давным-давно покинуты, и бродяги носа своего больше сюда не показывали.

А пойманную молодую и не в меру пытливую поросль банально пороли и драли за уши, после чего заплаканных подростков передавали на руки немилосердно оштрафованным родителям. Наказание рублем не способствовало проявлению у предков милосердия и понимания.

Некоторые люди спускались в подземелья города, проиграв схватку с личными проблемами и раздирающими душу сомнениями, уставшие от страданий, разочаровавшиеся во всем. Но им не хотелось просто взять веревку и мыло или же засунуть голову в духовку газовой плиты, то есть банально свести счеты с жизнью. Им подавай что-нибудь такое, поэкзотичнее. Придавленным жизнью людям хотелось раствориться, исчезнуть, не оставляя после себя никаких следов. Уйти из этого мира инкогнито, чтобы никто ничего о них не знал. Суицидники лезли в катакомбы мегаполиса в надежде поставить последнюю точку в своей судьбе. И мутанты шли самоубийцам навстречу в их последнем стремлении.

Отдельной строкой в списке персон нон грата у военных числились сектанты, которые поначалу попытались шастать по подземельям, будто у себя дома. Но пыл быстро поубавили твари. Руководитель адвентистов седьмого дня велел adeptам спуститься под землю и ждать там конца света, а заодно принять обет молчания. Но через короткое время на них нашлась управа в лице голодной стаи панцирохвостов, опередивших патрульных. Сектанты полезли из катакомб наперегонки, обгоняя и отталкивая друг дружку. Обет молчания по дороге был благополучно забыт.

Каждый в этом мире ищет свое, но не всегда там, где надо. Чем дольше прыгаешь вокруг костра, тем больше шансов, что рано или поздно обгоришь.

Самыми безвредными оказались кришнаиты, несущиеся на волне постоянного позитива. Стоп-кран в их головах отсутствовал напрочь. Они разгуливали по тоннелям, наряженные в разноцветные яркие одежды, пели мантры, плясали и били в барабаны. На эти ритмы первыми, ненамного опередив тварей, подоспели военные. Им тут же попытались всучить книжечки про Кришну, но ожидаемого понимания и поддержки у «братьев»-силовикиков бритоголовые не нашли. Удары барабанов не отзывались добром в черствых сердцах армейцев. Грубыми словами, пинками и химшашками патрульные быстро вытурили их на поверхность. Но сектант сектанту оказался рознь.

Безобидные мирные кришнаиты ни в какое сравнение не шли с демонопоклонниками. Служители темных культов одними из первых просочились в подземелья, считая, что здесь, в темноте, они скроются от Божьего света и посторонних нескромных взглядов.

Когда каэсэсовцы во время обхода подземных владений обнаруживали капище поклонников тьмы, то старались быстро и незаметно убраться подобру-поздорову. В их задачу входила борьба с мутантами, а сектантов, практикующих кровавые ритуалы, они оставляли на закуску коллегам из Министерства обороны. Заметив таких нарушителей периметра подземного города, каэсэсовцы наводили на них патрульных.

Однажды, во время еженедельного планового обхода, электрики обнаружили чудовищную находку. Каэсэсовцы проверяли запасные распределительные щитки электрокабелей в неэксплуатируемых тоннелях, идущих параллельно недостроенной станции метро «Советская». Она должна была располагаться между «Театральной» и «Маяковской». Ее строительство началось давным-давно, но так и не было завершено. Недостроенную станцию переоборудовали в бункер повышенной защиты для подземного пункта управления Московского штаба гражданской обороны. Станцию изолировали от перегонов московского метро. Сначала канула в Лету гражданская оборона, а потом и о бункере благополучно забыли, за ненужностью в мирное время.

От подземелья бункер надежно отделяла наглухо запечатанная бронедверь с гермозатвором. Проверяющие каэсэсовцы увидели, что дверь раскурочена, шестерня гермозатвора вырезана, а цифровая панель замка сорвана. Электрики решили заглянуть в бункер, чтобы выяснить, на что были приложены столь титанические усилия. Любым нормальным людям не пришло бы в голову проявлять праздное любопытство. Но никто не считал каэсэсовцев нормальными. Тем более что за бронедверью уже была не их территория. На перрон станции, трансформированной в бункер, электрики проникли быстро и без помех. Обратного пути они рванули еще быстрее. И было от чего.

В дальнем от входа конце помещения стояла черная статуя женщины, высотой в два человеческих роста, раскинув в стороны четыре руки и высунув длинный язык. Перед ними, почти под центром Москвы, стояло изваяние черной индийской богини Кали, олицетворяющей смерть, разрушение и ужас. Супруга бога Шивы прочно стояла на российской земле. Иссинья-черная статуя, даже для истукана, имела слишком устрашающий вид: длинные волосы торчали в разные стороны, обнаженное тело в талии опоясывал пояс из отрубленных рук, скрепленных проволокой. Шею обрамляло ожерелье из человеческих черепов с остатками скальпов. Пальцы рук богини заканчивались серпообразными ногтями, похожими на когти. Язык был высунут между длинными острыми зубами. Все вокруг было забрызгано засохшей кровью. Ржавые смазанные кляксы виднелись и на ближайшей стене. Судя по всему, работали с размахом. У ног статуи лежал обнаженный труп мужчины. Отделенная от тела голова, окрашенная красной краской, покоилась рядом на бронзовом блюде с разложенными по краям подвядшими оранжевыми цветами. В воздухе витал еле различимый терпко-сладковатый запах сгоревших жертвенных благовоний и тлена.

Статуя, будто живая, хмуро взирала на каэсэсовцев, так бесцеремонно вторгшихся в ее святилище. Браслет на запястье в виде змеи шевельнулся и переполз на бедро. Оттуда черная лента, изгибаясь, заструилась на землю. Миг, и у ног богини подняла вертикально над полом тело двухметровая змея. Она громко зашипела и раздула капюшон, на котором явственно стал виден рисунок – два светлых пятна, соединенных дугой. Очковая кобра собственной персоной, не переставая яростно шипеть, делала угрожающие выпады в сторону электриков. Экзотический экземпляр даже для московского подземелья.

Каэсэсовцы не стали дольше испытывать судьбу, ведь неизвестно, какие еще сюрпризы могут их здесь ждать. Судя по черепам на шее статуи черной богини, можно было догадаться,

сколько людей было принесено в жертву в подземном святилище. Кобру трогать не стали. Не стоит раньше времени засвечивать свое присутствие.

Недостроенная станция метро, ставшая бункером, в свою очередь, превратилась в храм богини ужаса. Круг символической трансформации замкнулся.

Через полчаса рапорт о ритуальных человеческих жертвоприношениях на подведомственной территории лег на стол начальнику Коммунальной Службы Спасения Николаю Трофимовичу Колеснику. Главный каэсэсовец решил незамедлительно поставить в известность военных и отрядил в провожатые одного из электриков. Полицию оповещать не стали. Не будут мешать и путаться под ногами. Каэсэсовцы и военные были для полицейских как туалетная бумага. Но ни те ни другие не горели желанием, чтобы их использовали не по назначению.

Военные сами знают, как им сподручнее справиться с поставленной задачей. Патрульные и решили ее со свойственным им радикализмом.

Николай Трофимович Колесник набрал на коммутаторе номер командира городского гарнизона.

– Полковник Катасонов, слушаю, – буркнула трубка.

– Решительно приветствую, Виктор!

– Категорически, Трофимыч!

Офицер и каэсэсовец были знакомы давно и даже немного прительствовали семьями, изредка заходя друг к другу в гости. Но основное общение сводилось к служебным делам. При этом старые служаки не упускали случая подковырнуть собеседника.

– Заглубленный командный бункер на станции метро «Советская» – твоя вотчина? – вкрадчиво поинтересовался Колесник.

– Предположим, – тертый жизнью и службой полковник не считал перестраховку чем-то постыдным. – А тебе какая разница?

– На твоей территории сатанисты или кто-то из этой шатии-братии оборудовали в бункере храм и приносят ритуальные жертвы. Заметь, человеческие. Проморгали патрульные.

– На *нашей* территории, – командир гарнизона слово «нашей» выделил интонацией.

– Мои парни отвечают за мутантов, люди – это твоя юрисдикция. Я к тебе в штаб отправил проводника. Один из тех, кто обнаружил эту дрянь. Разберись.

– Принято!..

– Конец связи... .

Через несколько минут командир батальона клятвенно пообещал полковнику Катасонову «сделать все возможное и невозможное», чтобы положить конец этой вакханалии. А в конце разговора поклялся «самым дорогим на свете – здоровьем Президента России, что задачу выполнит».

Военные решили не действовать кавалерийским наскоком. Проще простого было бы заварить все входы в подземный командный пункт – и дело с концом. Но тогда любители человеческой кровушки воздвигли бы новый алтарь своей черной богине уже в другом месте. Благо укромных мест под землей хватало. Часового в каждом тоннеле не поставишь.

Поэтому военные сняли с подземных маршрутов подвижные патрульные группы, чтобы не спугнуть ненароком служителей культа. Бункер обложили плотным кольцом на дальних подступах. Военные рассредоточились и затаились в нетерпеливом ожидании в узких норках вспомогательных тоннелей. В скрытном и бесшумном передвижении им не было равных. Многодневные изматывающие рейды по мрачным подземельям города приучили спецов в погонах к выдержке и терпению. Потянулись томительные часы в засаде. На исходе вторых суток патрульные были вознаграждены. По одиночке и группами по два-три человека в бункер стали стекаться люди, одетые в черные хламиды с капюшонами. Через некоторое время человеческий ручеек иссяк. Из-за бронедвери послышалось монотонное пение с позвякиванием невидимых колокольчиков. Звук нарастал, ввинчиваясь в темноту.

У развилки тоннелей и на изгибе прохода, ведущего к бункеру, а ныне капищу, сектанты предусмотрительно выставили часовых. Похоже, в вопросах личной безопасности они не во всем могли полагаться на четырехрукое божество.

Потянуло пряным запахом зажженных благовоний.

Бойцы безмолвными теньями заскользили по темным проходам, сжимая кольцо вокруг бывшего командного пункта. Они заранее разблокировали два запасных выхода, о которых сектанты не знали.

В темноте патрульные бесшумно подкрались и сняли часовых. Один в последний момент, почуввав неладное, успел развернуться и бросился бежать ко входу в бункер, нечленораздельно мыча на бегу. Но на него навалились сразу двое верзил в камуфляже и, вогнав штык в легкое, бережно уложили на пол. Сегодня пленных не брали и в переговоры вступать не собирались. Милосердие было оставлено на поверхности за ненадобностью.

Легкая возня и бульканье, вырывающееся из глотки сектанта, потонуло в ритмичном пении. Гимн, славивший черную богиню, сыграл злую шутку с ее поклонниками. Патрульные могли не таиться. На пост выставили безъязыких послушников. Сектанты руководствовались логикой, непонятной атеистам. Часовые были верующими, убежденными, что каждому, принесшему в жертву Кали свой язык, при жизни обязательно явится сама богиня. Так это или нет, они уже не смогут рассказать. Еще теплые тела остывали на холодном полу, а души уже стремительно мчались на долгожданное свидание с кровавым божеством. Место встречи изменить нельзя: там очень жарко и сильно пахнет серой.

Дальше события развивались молниеносно, как в ускоренном кино. Пленку проматывал комбат. Сегодня командир был вместе с подчиненными. Он доверял своим бойцам, но сейчас проводилась не рядовая операция. Никто не должен был вырваться в верхний мир живым. Офицер не любил ни человеческие жертвы, ни когда «шалют» на его территории. А может, его душевное равновесие нарушили вопли полковника? Командир гарнизона не утруждал себя этикетом и не баловал подчиненных подбором нормативной лексики, устраивая им выволочку.

Патрульные дружно навалились на бронированную дверь, обмотанную красной тканью. Их не ждали. Жрецы и рядовые сектанты распевали бхаджаны и киртаны – индуистские религиозные гимны, славя богиню.

Первым в дверной проем рванул комбат с огнеметом за плечами. Вообще-то офицер должен руководить операцией, а не ломиться вперед в первой волне атакующих. Но командир точно знал: если хочешь хорошо сделать дело, делай сам. Да и здоровье Президента, которым он поклялся, – не шутка.

По краям бункера в чугунных подставках горели факелы, коптя стены и потолок. Брошенного взгляда хватило, чтобы оценить обстановку. Офицера волновало одно: это рядовой сходняк или очередное жертвоприношение? Вроде на заклятие сегодня никого не приготовили. Комбат щелкнул кнопкой пьезоподжига на ствольной форсунке.

«Загадили бункер! Ничего, почистим!»

Струя пламени с тихим шорохом вырвалась из огнемета. Справа налево и обратно. Это стало сигналом для бойцов, затаившихся у запасных выходов бункера... Горб огнемета отозвался послушным урчанием. Заработала турбина, нагнетая давление в баллонах огнесмеси. Будто стальной кот урчит, лащаясь к хозяину.

Дуга пламени стала сигналом остальным. Солдаты ворвались в зал. Огненные бичи захлестали по мечущейся толпе. Мрачные одежды раскрасились языками пламени. Патрульные, как опытные погонщики, аккуратно управляли с трех сторон стадом живых факелов, чтобы ненароком не зацепить товарищей. Запахло горелым.

Тени молчаливо плясали и кривлялись на стенах под крики мечущихся и катающихся по бетонному полу горящих сатанистов. Ритуальное пение превратилось в безумный танец огнепоклонников.

Открытые двери создали поддув свежего воздуха, превратив бетонную коробку в импровизированный крематорий.

Комбату показалось, что в неверном свете скачущих языков пламени скульптура богини Кали злорадно ухмыляется. Похоже, массовое огненное жертвоприношение пришлось ей по вкусу. На черную голову заползла исполинская кобра, спасаясь от жара пламени. Преданный страж не желал расставаться с хозяйкой. Пора было ставить последнюю точку в операции. Офицер не пожалел огнесмеси. Второй баллон он полностью выпустил по статуе. Исполинская фигура расцвела огненным цветком под бетонными сводами. Вспыхнувшая богиня, собранная из пластиковых частей, корчилась в жарких объятиях огня, как живая. Пламя облизывало Кали со всех сторон, горящий пластик потек. С громким треском начали лопаться перекаленные человеческие черепа ожерелья. По лицу богини, как черные слезы, покатались потеки. Прежде чем сверзиться с пьедестала, Кали подмигнула на прощание офицеру. Иллюзия, но слишком уж реалистичная. Офицер сглотнул загустевшую от гари и смрада слюну. Захотелось побыстрее на поверхность, глотнуть свежего воздуха. Дело сделано. Приказ выполнен. Комбат подал команду «уходим», подняв вверх руку, сжатую в кулак.

В бункере осталась россыпь догорающих угольков. Кое-где пробегали огоньки остатков огнесмеси. В центре застывала лужа черного пластика. Вот и все, что осталось от капища.

* * *

Любой мегаполис немыслим без граффити, которыми раскрашивают скучный городской пейзаж свободные художники. Адепты уличной культуры без спроса вторгаются в запретные зоны. Осуществляют символический захват территории, пометив ее своими картинками. Нелегалы от искусства рисуют везде, точнее, там, куда удастся добраться. Свободные художники всегда бунтуют против законов. И сейчас стритарт перешел в андерграунд в буквальном смысле этого слова, то есть спустился в подземелья.

Стены тоннелей запестрели чем-то ярким и непонятным. У патрульных прибавилось головной боли – гоняться за экзальтированными нарушителями.

В споре о том, что есть граффити – искусство или вандализм, последнее слово всегда было за патрульными или за мутантами. Первые ловили, вторые жрали. Еще неизвестно, чего больше боялись утонченные натуры: клыков или унижения. От тварей всегда есть шанс уйти, а от стаи охотников в камуфляже – нет.

Один из центральных тоннелей скучного серого цвета вдруг в одночасье стал синим, и на нем появились изумительные звезды и луна. Разве не чудесно?

Помимо рисунков на стенах, трубах и даже полу появились еще и наклейки разных цветов и размеров, но с одним и тем же изображением негра преклонных годов и угрожающей надписью: «Повинуйся!»

Ограниченный подземный контингент был возмущен как подобным изображением, так и текстом. Чернокожие расисты, решившие бросить вызов белому большинству, к ним еще не забредали. Усилия по ловле возмутителя спокойствия удвоили. Круг поиска расширили, «залезая» на чужую территорию.

Больше всего рисунки с негром почему-то нервировали начальника патруля из второго батальона, подчиненные которого развернули настоящую охоту на автора наклеек. Поиски активизировались еще больше в тот день, когда были обнаружены плакаты со свежим и не успевшим засохнуть клеем, значит, нарушитель находился где-то рядом. Рано или поздно усилия профессионалов увенчаются успехом.

Так и случилось. Захваченный художник оказался белым юношей с затравленными глазами. В свое оправдание он плел что-то маловразумительное про то, что его неправильно поняли и негр всего лишь художественный образ. Метафора, так сказать.

Тогда сержант решил дать волю своим творческим амбициям. Командир сделал из граффитчика инсталляцию...

Не снимая с пленного художника одежды, творец в камуфляже аккуратно разрезал ее на длинные полосы. В поднятую руку парнишки он воткнул зажженный «фальшфейер», имитирующий свечу на ветру. Поставил его рядом с работающим воздуховодом вентиляционной шахты, затем направил на него свет фонариков, собранных у патрульных. Развевающиеся лоскуты одежды и рассеянный во мраке подземелья свет фонарей придали живой инсталляции толику щемящей грусти и подобающую этому месту зловещую экспрессию. Сержант назвал свое произведение: «Унесенный ветром».

Пойманных художников патрульные начали раскрашивать из их же баллончиков, отдавая предпочтение краскам поярче, и фотографировались на их фоне на память. Под землей так скучно и серо. За творцами настенной живописи началась азартная погоня. Между патрулями развернулось нешуточное соревнование: кто лучше раскрасит пойманного.

Просмотр фото и видео, выдвинутых на конкурс, а также вручение призов происходили после отбоя в спортзале военной базы, там, где было много места и достаточно далеко от глаз начальства.

Итоги армейских инсталляций подводились раз в месяц. Патрульная группа, занявшая первое место в неофициальном конкурсе, получала главный приз – ящик элитной водки «Командирская». Помимо прочих наград, еще один приз – «зрительских симпатий» – был вручен двухметровому сержанту за инсталляцию «Унесенный ветром». Это была трехлитровая бутылка коньяка.

Приз вручали под одобрительный свист и крики «Браво!», чем немало смутили начальника патруля.

Коллеги впервые видели своего сержанта смущенным. Квадратные скулы младшего командира, будто вырубленные из гранита, пошли красными пятнами от волнения. Сорвавший приз «зрительских симпатий» прижал бутылку к груди и пообещал дальше радовать сослуживцев новыми работами.

Творческий человек тем и отличается от «обычных» людей, что может увидеть необычное в обычном. Он смотрит на мир под своим особым углом. Благодаря этим особенностям дарит окружающим необычные творения, вызывающие восхищение и трепет. Неожиданно выяснилось, что художник может носить не только заляпанную красками блузку, но и быть затянутым в отглаженный армейский мундир...

Рукоприкладства к граффитчикам военные не допускали. Но любому терпению приходит конец. «Заигрывания» с андерграундом закончились после одного случая.

Подземелья в районе Лубянки всегда пользовались дурной славой. Во время рядового обхода своих владений патрульные наткнулись на небольшой рукотворный водопад. Вода с шумом хлестала из пробитой трубы. Рядом валялся инструмент вредителя, старая ржавая кирка, какой первые метростроевцы забивали стальные костыли в деревянные шпалы.

Но оказалось, что это еще не все. Самое интересное ожидало впереди.

Поток воды изнутри засветился, показав на противоположной стене светлый прямоугольник в человеческий рост. Как будто открылся портал в другой мир. Из него в подземелье шагнула высокая костлявая фигура в длиннополой кавалерийской шинели.

За ее спиной прятался невысокий толстячок в черном костюме-тройке. На одутловатой лысой голове-тыковке хищно блестело легко узнаваемое пенсне в золотой оправе. Толстяк сжимал в руках древний «ППШ» с круглым диском. Учитель и его последыш-ученик были вместе. Несгибаемый Феликс шел твердой походкой прямо на патрульных. Лаврентий, наоборот, пригнулся и суетливо метался позади первого чекиста, постоянно меняя огневую позицию, водя стволом автомата из стороны в сторону, выцеливал невидимых врагов трудового народа.

Боевая двойка чекистов действовала тактически грамотно, прикрывая друг друга, готовая в любой момент открыть шквальный огонь. Щит и меч распавшейся Красной империи.

Хорошо узнаваемое лицо с козлиной бородкой прищурило левый глаз, словно прицеливаясь, и резко вскинуло правую руку с зажатым в ней вороненым «маузером».

Патрульные брызнули в разные стороны стаей мальков, спугнутых щукой. Кроме одного. Сержант схватился за сердце и мешком осел на пол. Сердечный приступ. Сколько лет прошло, а Феликс Эдмундович Дзержинский не изменил себе и по-прежнему исправно нагонял смертельный ужас на добропорядочных граждан.

Патрульные не боялись сражаться с мутантами. Любой из них, не задумываясь, схватился бы с тварями один на один, без оглядки на возникшие обстоятельства. Но сейчас был не тот случай. Оживших призраков прошлого не убить и от них не убежать. Достанут цепкие лапы и на том свете. Подсознание позаботилось о рассудке хозяина. Сержант рухнул в темное спасительное забвение-омут, спрятавшись от inferнальных исчадий.

Может, это кажется кому-то забавным: идешь по подземелью, а тут – бац! Железный Феликс в тебя целится. Хана контре!

Появление основателя ВЧК и пламенного большевика рангом ниже из прошлого в настоящее объяснилось просто. За водопадиком был установлен переносной голографический проектор, который проецировал объемные движущиеся изображения, используя воду в качестве оптического увеличителя. Смелая задумка, умопомрачительный эффект! Потрясает до глубины души своим натурализмом.

В себя сержант пришел уже в реанимации: в мягкой госпитальной пижаме, с капельницей в вене и подключенный к кардиометру. Оглядевшись, патрульный убедился, что он еще на «этом» свете, а не на «том», и в ультимативной форме незамедлительно потребовал бригадного священника. Его посетило жгучее желание покреститься и уже не отпускало. В армии не все делается вовремя, но всегда оперативно.

После таинства крещения пострадавший на подземном фронте решил исповедаться. Спасая бессмертную душу, твареборец каялся в смертных грехах и мелких пакостях и почему-то очень не хотел попадать в ад.

Священник был удивлен: его паства в погонах любила бравировать своей отвагой и действовать напролом, без оглядки на последствия.

Днем раньше бригадный священник ни за что не смог бы заподозрить начальника патруля в способности произносить слова покаяния и молитвы. Служитель культа проникновенно спросил больного:

– Какой груз лежит на твоей душе, сын мой?

– Сегодня я лично видел, как распахнулись врата ада и оттуда вышли бесы. Вот вам крест святой, не вру, – новообращенный размашисто перекрестился. Он попытался приподняться на локтях. – Своими глазами лицезрел.

Священник скорбно вздохнул и поведал истинную подоплеку передраги, в которую угодили военные. Сержант замкнулся и надолго замолчал.

Патрульный обрел дар речи лишь после ухода священника. Он в ультимативной форме потребовал успокоительного, чтобы восстановить душевное равновесие. Кубик снотворного вкололи прямо через резиновую пробку перевернутой бутылочки раствора, к которой была присоединена капельница. Капля за каплей – и вскоре боец оказался в стране грез, где нет ни забот, ни тревог, ни демонов в кавалерийских шинелях...

Но перед тем как забыться тягучим сном, где нет места бесам из прошлого, сержант пробормотал заплетающимся языком: «Мне отмщение, и азм воздам».

После отправки товарища по оружию в госпиталь военные посовещались и решили известить андерграунд как класс. Если враг не сдастся... и далее по тексту. Художников решили при-

равнять к браконьерам. А к этому классу нарушителей у армейцев было особенное отношение. Никакой жалости! Ни грамма снисхождения.

Как-то раз армейский патруль «спалил» браконьеров. Точнее сказать, сначала обнаружил диких охотников, а затем, в прямом смысле слова, армейцы решили спалить браконьеров из ранцевых огнеметов. Но ребята оказались ушлые и тертые жизнью. Они не стали ждать, когда им поджарят пятки, и бросились наутек. Контейнеры с визжащими и шипящими тварями бросили без сожаления. Драгоценный груз, добытый с огромным риском для жизни, помешал бы бегству. Браконьерам, или, как их называли, «Ванькиным детям», терять было нечего. Дикие ловцы не делали различия между тем, что можно выносить на поверхность, а что категорически запрещено под любым предлогом. На благосклонность правосудия верхнего мира им рассчитывать не приходилось. Они были вне закона, и при задержании на месте преступления их ждал скорый суд еще более скорых на расплату военных. «Ванькины дети» не стали ждать приведения приговора в исполнение и попытались оторваться от озверевшей погони в камуфляже, затерявшись в лабиринте тоннелей...

На логово браконьеров военные наткнулись случайно. Во время очередного прохода патрульной группы сработало внеплановое включение принудительной вентиляции. Мощные лопасти периодически прогоняли воздух через фильтры воздухозаборников главных тоннелей. Бесплезная профилактика перемещения пыли из одного каземата в другой на этот раз сыграла на руку служивым.

Патрульные почувствовали незнакомый запах, выпадающий из букета затхлых ароматов подземелий. Терпкая нотка формальдегида неприятно защекотала ноздри. Острый запах препарата, используемого для консервации внутренних органов тварей, ни с чем нельзя было спутать.

– Кислятиной несет, – широко раздувая ноздри, сообщил подчиненным начальник патруля. – Сегодня кто-то из «Ванькиных детей» с добычей.

– Точно, – согласился один из патрульных. – Где-то поблизости тварей потрошат на лекарства.

– Если бы не узкоглазые, бизнес на кишках и требухе давно бы накрылся, – заметил штатный огнеметчик патрульной группы.

– А я и не знал, что ты расист, – притворно удивился старший.

– Все мы расисты! – авторитетно заявил огнеметчик и зло сплюнул под ноги. – Но только я этого не скрываю.

– Хватит болтать, – скомандовал сержант. – Пора за дело, парни.

Завтра их дежурство заканчивалось. Лишние премиальные не помешают. С выплатой призовых денег командование никогда не тянуло. Сделал дело, распишись и получи.

Ориентируясь по запаху, словно ищейки по следу, армейцы вышли к узкому проходу, ведущему в технический зал, заставленный старым оборудованием и штабелями полуразвалившихся контейнеров.

Здесь браконьеры и оборудовали свое логово.

Вход был затянут маскировочной тканью-хамелеоном. Если специально не приглядываться, то и не заметишь.

Пробираясь среди ржавых нагромождений, патрульные, скорее всего, задели один из маячков сигнализации. В лагере им достались только трофеи. Клетки и контейнеры уже были подготовлены к транспортировке на поверхность. Хозяева добычи не стали дожидаться незваных гостей, визит которых не сулил им ничего хорошего.

Во временном лагере браконьеров патрульные нашли останки трех чешуйчатых летяг и одного молодого прыгуна. Немногое из того, что на самом деле было поймано, убито, разделано и аккуратно упаковано.

Китайская диаспора щедро платила за внутренние органы тварей. Выходцы из-за Великой стены за тысячелетия накопили богатый опыт врачевания. Семенные железы летяг великолепно действуют на органы зрения. Катаракты в начальной стадии «рассасываются» на глазах. Вытяжка из печени прыгуна незаменима при лечении мужского бесплодия. Особенно высоко ценилась у китайских эскулапов желчь альбиноса-панцирохвоста. Из него производили препарат, резко замедляющий старение. Официальная наука хранила молчание по этому поводу, но и не опровергала. Во всяком случае, на нелегальном рынке спрос на желчь не ослабевал, а цены на нее росли.

Компенсация за риск – более чем щедрое вознаграждение. Один подземный рейд мог обеспечить группе браконьеров из трех человек полугодовое безбедное существование. Правда, как повезет с добычей.

Ряды браконьеров постоянно «прореживались» армейскими патрульными группами. Но их место тут же занимали другие смельчаки. Любителей сорвать жирный куш быстро и сразу всегда хватало.

Патрульные быстро обыскали лагерь. Ничего интересного. На стенках контейнеров висели распятые шкуры, шерстью наружу. Кожа на них была порвана во многих местах, мех свисал ключьями. Видимо, снимали впопыхах. Спешили. В центре стоял раскладной хирургический столик с лотками, в которых в беспорядке лежали хромированные инструменты для разделки. Вокруг все забрызгано кровью. Скотобойня, а не лагерь. Рядом с разделочным столом стоял контейнер, разделенный на отсеки, заполненные формальдегидом. В нем плавали полимерные мешочки каплевидной формы. В темный пластик были герметично упакованы внутренние органы мутантов.

Одну клетку не успели поместить в переносной контейнер. В ней из угла в угол метался ослепительно-белый панцирохвост. За редкий экземпляр альбиноса можно было «слупить» хорошие деньги на черном рынке. Зверь скалился, пытался перегрызть прутья решетки. Зубы скользили по неподатливому металлопластику. Тварь громко визжала и не оставляла попыток вырваться на свободу и добраться до людей.

Надо спешить. Незаконных охотников следует схватить, пока они не выбрались на поверхность. Там нарушители миглом затеряются в городской суеде. Попробуй тогда найди их среди добропорядочных людей. Выждут время, переведут дух и снова займутся привычным промыслом.

Камуфлированная стая гончих обложила и гнала вторгшихся в их уголья браконьеров. Пора показать зарвавшимся хапугам, кто здесь настоящий хозяин. Обычно после таких уроков несколько обитателей верхнего мира навсегда попадали в полицейские сводки «пропавших без вести». Суд скорый, расправа еще быстрее. Нет ни адвокатов, ни прокуроров. Как следствие, приговор приводился в исполнение без обычной волокиты и присутствия служителей Фемиды. Воздать каждому по делам его. Надгробия тоже не предполагались для тех, кто поставил себя вне закона.

Армейцы, рассыпавшись на боевые двойки, гнали браконьеров навстречу другой мобильной группе. Подземный город был поделен на зоны ответственности между патрулями. Подобные нештатные ситуации предусматривались и неоднократно отрабатывались на постоянных учениях. Взаимодействие было отточено до мелочей.

Браконьеры тоже могли просчитывать развитие событий, не сулящих им ничего хорошего. Перспектива стать горсткой пепла заставляет мозг работать со скоростью пули.

Армейцы отжали их от переплетения технических тоннелей и гнали по прямому, как стрела, тоннелю под «Чертановской». Только «Ату!» не кричали и не свистели вслед. Загонщики замкнули кольцо и теперь сжимали его.

«Ванькины дети» поступили просто и без изысков. Не заморачиваясь лишним раз, они установили на пути погони противобортовую мину, предназначенную для уничтожения бро-

нетехники. Расчет был прост: уничтожить преследователей и вернуться назад к замаскированному выходу на поверхность. Прорваться к солнечному свету и жизни. Прорваться любой ценой.

Мину установили в боковую нишу. Ее корпус, покрашенный в серый цвет «под бетон», напоминал прожектор и крепился на вращающейся скобе с двумя присосками, позволяющей поворачиваться в двух плоскостях. Сверху на корпусе располагался взрыватель, для приведения в действие которого служил инфракрасный датчик цели – своего рода «пуск». Щелчком тумблера предохранительный колпачок был снят, мина встала на боевой взвод. Когда кто-то пересечет невидимый для глаза поток инфракрасных лучей, замкнется цепь взрывателя, и произойдет подрыв.

В стремительном броске за браконьерами один из патрульных опередил товарищей. Фигура в пятнистом камуфляже на секунду разорвала контакт. Из ниши ударил сполох огня. Осколки, стальные шарики начинки щедро окатили тоннель. Мина-ловушка искорежила тела армейцев. Вспышка «ударного ядра» – и поток шрапнели, вырвавшейся из смертоносной ловушки, закончил бесславную погоню.

На этом смертельные кругляши не остановились. Они, разлетаясь по проходу и звонко цокая о бетон, насквозь прошивали трубы коммуникаций, рвали змеившиеся по стенам кабели в разноцветной оплетке. Под потолком раскачивался оборванный силовой кабель, идущий от районной подстанции. Он громко потрескивал, искря веселыми огоньками. Раздалось громкое шипение, будто проколотый футбольный мяч стравливал воздух. Шрапнель в нескольких местах изрешетила газопровод. Привычный запах плесени и затхлости, присущий всем подземельям мира, сменился специфически кислым душком бытового газа.

Труба пробита, газ под давлением с характерным звуком стал вырываться наружу. Через короткое время шипение сменилось свистом. Концентрация газа в тоннеле катастрофически нарастала. Облако быстро расплзлось по боковым проходам, затекая внутрь любых отнорков, попадающихся у него на пути.

Когда щупальце бесцветного облака дотянулось до ближайшего искрящегося обрывка кабеля, раздался гулкий хлопок, и воздушная газовая смесь воспламенилась. Объемный взрыв стремительно распространялся в подземном пространстве. Огненный вихрь с ревом товарняка, летящего под откос, промчался по тоннелям, круша и корежа металлические магистрали. Вслед за ударной волной образовалась зона сильного разрежения. Огонь не добрался до браконьеров, растеряв свою мощь в тоннелях и закоулках. «Ванькиным детям» удалось сбежать.

Эстафету разрушений принял сдетонировавший ближайший газорегуляторный пункт. Подземные коммуникации в районе Чертанова на время стали филиалом ада. Далекое не романтическое наименование городского района наконец оправдало свое название. Под асфальтом бушевала геенна огненная.

Последствия взрыва мины-ловушки прочувствовали буквально на своей шкуре, а потом и увидели жители домов. Тряхнуло район под утро. Когда чертановцы еще досматривали последние сны, нежась в теплых кроватках.

Один за другим прогремели несколько взрывов. В воздух взлетали крышки канализационных люков. Из них вырвались столбы огня высотой в несколько метров. Асфальт вспучился и пошел волнами, тротуары и дорожное покрытие пошли трещинами.

Взрывной волной из земли вынесло часть трубы газорегуляторного пункта. Огненный факел торчал точно из центра искусственного пруда вблизи выхода со станции метро «Чертановская». Гигантский кипятильник быстро довел температуру воды до точки кипения. Над водой прудика появилась хорошо видимая дымка испарений. На поверхность стали всплывать кверху брюхом рыбы, одна за другой. Гигантский котел с ухой начал потихоньку закипать.

Над Северным Чертановым занялся пунцовый рассвет. Состояние затянувшегося конца света сдвинулось с мертвой точки...

Жилые дома несколько раз ощутимо трянуло. Люди второпях выскакивали на улицу, кто во что был одет, схватив в охапку самое ценное. Как бывало и во все времена, самым ценным оказались дети и домашние питомцы. Правда, одна бабулька вынесла горшок с разлапистым цветком и все что-то успокаивающе нашептывала листьям, нежно баюкая его на руках.

Отовсюду раздавались различные версии причин взрыва.

Люди выскочили из домов кто в чем спал. Одна женщина в самом расцвете лет успела надеть лишь забавные прикроватные тапочки в виде кроликов. Паника сыграла с ней злую шутку, продемонстрировав всему миру ее загорелые упругие выпуклости и соблазнительные округлости, что вызвало нездоровое оживление среди мужской половины. Сосед из подъезда поделился с ней своей длинной майкой, сам оставшись в трусах игривой расцветки: порхающие упитанные ангелочки на розовом фоне. Сердобольный мужчина давно хотел познакомиться с миловидной и фигуристой соседкой, но не находил подходящего повода, чтобы заговорить. Банально робел. Похоже, Купидону надоело ждать, когда парень «созреет» для первого шага, и он решил ускорить события. У бога любви в арсенале нашлось средство помощнее лука со стрелами. А может, это был просто очередной зигзаг вертлявой судьбы?

Какой землетряс обходится без кликуш? Никакой. И этот не стал исключением. От подъезда к подъезду ходила женщина в банном халате, почему-то вывернутом наизнанку, заламывала руки и голосила во всю мочь. Она трясла головой и грозно обещала скорое продолжение в виде каменного дождя и серы с неба. Некоторые соседи смотрели на нее с неодобрением, некоторые с любопытством, но основная масса осталась равнодушна к завываниям.

В полуголой толпе напуганных людей инородными вкраплениями смотрелись одетые собачники. Общая нервозность передалась животным. Домашние питомцы, повизгивая от испуга, жались к ногам хозяев. Невозмутимость сохранял лишь один старый мопс на кривых ножках. Ему не было никакого дела до суетливых двуногих. Он был слишком занят выкусыванием блох из шерсти...

Шаржукова и Бормотова городской катаклизм застал, когда их ночная смена подходила к концу. Лифтеры находились в десятке с гаком километров от эпицентра, но все равно им пришлось прочувствовать на себе последствия ударной волны. Они как раз закончили отладку нового грузового лифта, предназначенного для спуска оборудования на первый ярус подземелья.

На месте подрыва мины завалило центральный тоннель. Взрыв был настолько сильный, что в радиусе нескольких километров в городских катакомбах то и дело происходили обвалы. Бетонные перекрытия тоннелей отрывались от потолка, хороня под собой все живое. В проходах громоздились глыбы, создавая многотонные баррикады.

Недалеко от лифтеров с грохотом сложилась внутри шахта воздухозаборника. Олегу на голову с потолка свалился контуженный взрывной волной рогатый хамелеон-удильщик. Его так называли за длинный отросток на лбу, которым он привлекал насекомых. Флуоресцирующая шишка на конце отростка фактически являлась железой, в которой обитали бактерии. Они могли светиться или нет, подчиняясь воле хозяина. Хамелеон регулировал освещение приманки, сужая или расширяя кровеносные сосуды. Когда к «осветительному прибору» вместе с кровью поступало больше кислорода, он горел ярче, а когда сосуды сужались – наоборот, угасал. Теперь же шишка на отростке быстро потускнела, а затем и вовсе погасла.

Поднятое облако пыли не смогли пробить лучи фонарей. Лифтеры на ощупь добивались до подъемной платформы. Прорываясь сквозь пелену пыли, Шаржуков неожиданно испытал чувство раскаяния и удивился незнакомым ощущениям. Он вспомнил, что забыл сделать что-то очень важное в своей жизни. И это что-то даже приоткрылось ему на какой-то миг. Но Олег не успел понять. Он всегда уверенно шел по жизни вперед, ни о чем не жалея. Шел напролом, преодолевая препятствия, как тяжелый танк,двигающийся по пересеченной местности. На самом деле к нему пришло осознание, что до этого мгновения он тратил свои силы, разме-

ниваясь по мелочам. Все суета. Этот мир, эта жизнь, этот миг. Самое обидное – это больше никогда не повторится снова. В запасе нет еще одной жизни.

Новая серия взрывов спугнула необычное ощущение. Исчезло, как легкое дуновение ветерка, оставив после себя на душе легкий осадок горечи и недоумения.

Пару раз мигнув, зажглась лампочка аварийного освещения в кабине. Олег остервенело тыкал пальцами в кнопку подъема. Алексей затравленно вжался в угол и мелко крестился. Осенял он себя крестным знаменем очень странно: то справа налево, то в обратном порядке. Уже потом он объяснил другу: «Я забыл, как надо правильно делать, вот и решил на всякий случай подстраховаться. И, как видишь, не зря. Пронесло. Главное – верить».

В конце тоннеля засветилось багряное марево. Оно на глазах приближалось, разбухая алой язвой. Огонь голодным зверем жадно сжирал кислород из воздуха.

Примерно так Шаржуков представлял себе Армагеддон. Он успел удивиться, что сподобился дожить до этого момента. Поражало место последней битвы добра и зла – подземелья Москвы. В Библии было черным по белому написано, что конец света на исходе времен произойдет немного восточнее, в других Палестинах. Нажимая кнопку, Олег лихорадочно вспоминал, как надо правильно встречать последние минуты бытия.

«Возлюби ближнего своего... Нет, не то. Совсем не то!»

Олег любил жизнь. А любовь к людям у него была адресная: родные и друзья. Всех скопом он обнять не мог. Какое мне дело до вас, до всех?! Человечество отдельно, а он сам по себе. Хаотично прыгающие в голове обрывки мыслей вылетели после очередного взрыва. Из глотки рвался кашель попеременно с площадной руганью. Легкие сдавило горячим обручем. Он жадно ловил ртом воздух, в котором почти не осталось кислорода.

Шаржуков нажал кнопку и больше не отпускал. Наверху заурчал электромотор. Грузовой лифт дернулся и нехотя пополз вверх. В подземном городе старались не полагаться на «авось». Источники подачи энергии к жизненно важным объектам и установкам всегда дублировались на случай выхода из строя основных. Как всегда, пригодилось. Всем известно, кто бережет береженого...

Глава 4

День для октября выдался на редкость теплым. Олег особо не задумывался, действительно ли это бабье лето вернулось или просто осень такая теплая. В людях настолько сильна тяга к хорошей погоде и желание подольше понежиться на солнышке, что детали не имеют значения. Долгожданному периоду осеннего тепла предшествовали занудные холодные дожди и первые заморозки по ночам. В этом лифтер успел убедиться на собственной шкуре во время ночного вызова. Термообогрев комбинезона «отказал». Пришлось согреться, хлопая руками по бокам и подпрыгивая на месте. Сам виноват. А все из-за того, что не удосужился проверить термоэлемент. С лета не подключал и не подпитывал плоский аккумулятор. Вот он и разрядился полностью, ни капли энергии.

Люди, попадавшие у него на пути, были одеты в легкие куртки и распахнутые плащи. Пройдя дворами, Шаржуков вышел к памятнику Тельману у станции метро «Аэропорт». Борец за права трудового народа оставался верен себе и принципам не поступался. Отлитый в бронзе, трехметровый немец продолжал грозить кому-то двухпудовым металлическим кулаком.

Людской поток втягивался на станцию метро, словно колонна марширующих муравьев.

Осенние лужи на асфальте отражали почти летнее солнце. По Ленинградскому проспекту сновали машины, по тротуарам спешили по своим делам люди. Сквозь стекла троллейбусов хмурые лица пассажиров равнодушно наблюдали за проезжающими мимо автомобилями. Город жил своей обычной жизнью.

Олег подошел к троллейбусной остановке. В метро спускаться не хотелось. На сегодня у него это был последний вызов, можно и отдохнуть, снять стресс и усталость рабочего дня. Хотя его смена официально заканчивалась через два часа, он справедливо посчитал, что на сегодня его долг перед обществом выполнен. Случись аврал, вызовут по коммуникатору. Премияльные, выцыганенные у жэковца, во внутреннем кармане комбеза грели не хуже осеннего солнышка. Можно немного расслабиться, а заодно и подобрать команду для удачно подвернувшейся халтурки. Ресторан «Хоттабыч» – уютное местечко, исключительно для своих. Здесь всегда можно совместить два в одном: отдых и дела.

В ресторанчике ближе к вечеру постоянно отирался кто-нибудь из «жучков» с черного рынка. Официально было запрещено иметь частным лицам в собственности мутировавшие создания. Запрет распространялся на шкуры, панцири, чешуйки и вообще любые фрагменты тела. Но закон на то и существует, чтобы его нарушали. Везде есть лазейки и обходные дорожки. Если их нет, значит, надо найти. «Жучки» с подпольного рынка были посредниками между любителями экзотики и каэсэсовцами. Начальство закрывало глаза на мелкие шалости подчиненных. А те не толкали на сторону опасные для жизни и здоровья биоматериалы. Отступившего от негласных правил ждало немедленное исключение из рядов Службы и уголовное преследование.

Каэсэсовцы периодически подхалтуривали, водят экскурсии по подземным коммуникациям города. Было несколько безопасных маршрутов, проверенных и перепроверенных. Если попадается какая-то безобидная шушера, то даже хорошо. Какой же это поход без приключений и опасностей? Люди ж деньги платят. Экскурсоводу-нелегалу – левый приработок, а любителям драйва – ощутимый выброс адреналина в кровь. Будет что рассказать друзьям за кружкой пива. Вы тут сидите, а я бывал «там», куда не все каэсэсовцы рискуют заглядывать. Во как!

Столкновение с армейским патрулем огнеметчиков, зачищающих подходы к подземным военным спецобъектам, не сулило особых неприятностей. Вояки так же, как коммунальщики, старались повысить свое материальное благополучие. Все люди, только форма и нашивки разные. Обычно сначала звучали громкие грозные окрики: «Стой! Стрелять буду на поражение!»

Лечь на пол! Руки в сторону, голову не поднимать!» После рыка луженой армейской глотки, многократно отразившегося эхом от бетонных сводов, гражданские неуклюже валились на холодный мокрый пол – кому как повезет! – а потом начиналось самое интересное и... волнующее. Волнующее, потому что за несанкционированное проникновение в подземелье можно было схлопотать реальный срок на поселение или поражение в гражданских правах, со всеми вытекающими последствиями. Еще неизвестно, что хуже.

Старший армейского патруля и каэсэсовец, осторожно переступая тяжелыми ботинками через тушки экстремалов, распластавшихся на полу, чтобы ненароком не припечатать особо нежную часть тела, сходились навстречу друг другу. После обмена приветствиями и рукопожатиями начинался торг. Обычная такса за то, что попался, ровно половина гонорара. Но не дай бог, если тургруппа забрела на двадцать метров дальше, чем положено по договору о безопасных маршрутах. Нарушил правило – плати. Попросту говоря, выворачивай карманы. Отдашь всю наличку, или добро пожаловать в комендатуру. После дележки денежных средств стороны расходились по тоннелям, довольные друг другом. Такие встречи привносили особую пикантность в подземную экскурсию. К удовольствию военных и злобному бормотанию каэсэсовцев, но больше всех радовались первопроходцы, что так легко отделались, не подозревая подвоха и с новой силой радуясь вновь обретенной свободе.

Несмотря на всевозможные кары и страшилки, поток желающих посетить подземелья никогда не иссякал. Многим хотелось прикоснуться к тайнам подземного города. Но не все рисковали воплотить мечту в реальность. Самые глупые и жадные шли на собственный страх и риск. Таких отлавливали быстро. Умные предпочитали пользоваться услугами каэсэсовцев. Провожатый из коммунальной службы был гарантией безопасности, за определенную плату, разумеется. Для таких желающих был отведен столик в самом дальнем и темном углу, где можно пошептать и обговорить условия, не опасаясь чужих глаз и ушей. Хозяин «Хоттабыча» Иван Петрович Савчинский смотрел сквозь пальцы, как его бывшие коллеги обтяпывали сомнительные делишки. Может, потому, что ему шли фиксированные комиссионные от каждой сделки?

– Кажется, мне пора открывать экскурсионное бюро? Так сказать, расширять бизнес? – как-то раз пошутил Савчинский в разговоре с бригадиром кабельщиков, отсчитывающим полагающиеся ему деньги.

– Точно! А назовешь ее «Харон», – заржал довольный своей шуткой коммунальщик, пряча оставшиеся деньги во внутренний карман комбинезона. – Лицензию на проход под землю тебе выпишут на выделанной человеческой коже, а сам ты распишешься кровью. Ха-ха!

На этом разговор угас сам собой.

Не все выдерживали испытание службой и деньгами. Зарплата у коммунальщиков была неплохая, но, на их взгляд, все равно оставляла желать лучшего. Государство старалось компенсировать опасности и издержки службы премиальными бонусами и щедрым социальным пакетом: путевки в санатории, досрочный выход на пенсию, бесплатная медицина, дополнительные дни к отпуску. Каэсэсовцы в санатории изнывали от непривычного безделья, на пенсию их можно было «вытолкнуть» лишь при помощи танкового тягача, а из долгого отпуска трудяги всегда возвращались раньше, чем он успевал закончиться. Работа стала для них наркотиком, без которого невозможно долго обходиться. Но это касалось лишь настоящих каэсэсовцев. Те, кто попал к ним случайно, обычно, как показывало время, отсеивались за первые полгода. Кто сам уходил, кого провожали в последний путь. Слабым духом и телом не было места в рядах Службы. Естественная убыль быстро восполнялась желающими. Клеточки освободившихся вакансий быстро заполнялись ветеранами КСС в отделе кадров. На заслуженный отдых их можно было отправить лишь вперед ногами или вынести из кабинета вместе с письменным столом...

...Рядом с остановкой стоял стеклянно-металлический стакан журнального киоска. Олег зевнул и от нечего делать начал рассматривать ассортимент стекляшки. Все как обычно: газеты, кроссворды в брошюрах, глянец журналов, отпечатанных на тонких полимерных листах, и всякая мелочовка в ярких упаковках. Неизвестный гений из отдела маркетинга посчитал, что всевозможная дребедень, залежавшаяся в супермаркетах, типа наклеек, брелочков и подвесок из мутного стекла, будет вмиг раскуплена людьми, пожелавшими купить легкое чтиво. На одном из пакетиков краснела яркая этикетка, гордо заявляющая: «Кракатук! Новое средство в борьбе с хвостатыми гадами. Крысиный король отдыхает!» Было не совсем ясно, то ли это был яд, то ли лакомство для крыс. И при чем здесь «отдых»? Новинка стоила подозрительно дешево, и лифтер решил прикупить пакетик. Ему без надобности, а вот хозяина «Хоттабыча» стоило одарить презентом. Скромно и со вкусом. До того как открыть пивной бар, Савчинский работал в КСС и, как все, уничтожал мутантов, но его личным пунктиком были крысы. Известности крыс в Москве никто не надеялся. Главная задача отдела дезинфекции была в обнаружении и уничтожении крысиных королей. На поголовье его подданных это никак не сказывалось, но, как считали аналитики Службы, крысиный король мог обладать коллективным разумом особей, из которых состоял. Разговор шел не об инстинктах и рефлексах, а о сознательном существе. Косвенным доказательством разумности повелителей серой массы с хвостами, усами и резцами стало то, что они могли планировать свои действия: наступление, обход, противодействие. Коммунальщики, засучив рукава, начали планомерный поиск и уничтожение крысиных королей. Прочую серую массу игнорировали, определившись с приоритетными целями. Главным энтузиастом этой идеи был Иван. На него же и возложили выполнение миссии по зачистке подземелий. Покончив с коронованными грызунами, он доложил об этом начальству. Был награжден грамотой и ценным подарком в виде дешевых часов с пафосной гравировкой на память. Посчитав, что он выполнил свой долг перед городом, Савчинский неожиданно для всех уволился из Службы и открыл пивной ресторанчик «Хоттабыч».

Но у Ивана остался маленький пунктик, который невропатолог назвал бы устойчивым неврозом. Он собирал все, что так или иначе связано с крысиным племенем. Особое предпочтение Савчинский отдавал коллекционированию средств уничтожения грызунов и предпочитал маскировать свою маниакальную страсть под безобидное хобби чудака, вышедшего в отставку. Но, если труба позвевет, он всегда... и во всеоружии.

В первое время было модно ходить в «Хоттабыч». Москвичи вдруг повадились посещать ресторанчик, открытый «для своих», объясняя, что там собираются «все нормальные люди». Для каэсэсовцев, ради кого, собственно, все и затевалось, такое повышенное внимание оказалось достаточно утомительно.

К счастью, избалованные горожане и капризный бомонд предсказуемы, как погода. Открылись новые места, и любители тусоваться переключались туда. Модное поветрие прекратилось так же неожиданно, как началось. Единственным, кого огорчило такое развитие событий, был хозяин ресторанчика. Суперприбыль закончилась. Полноводная денежная река от заказов клиентов, текущая в кассу, превратилась в ручеек. Немного, но зато стабильно. Курочка по зернышку клюет.

Последнее воскресенье июля Олег всегда отмечал с размахом и только в «Хоттабыче», даже специально начинал заранее откладывать деньги. Дня за два-три. При всем его желании денежные купюры не хотели дольше пылиться в записке. День Военно-морского флота был для Олега одним из самых любимых. В таблице о рангах его личного календаря этот праздник стоял сразу за Новым годом и Девятым мая.

Олег никого специально не приглашал. Но был рад каждому, кто приходил. Место за столом найдется для всех. А не хватит, поставим еще стол или потеснимся. В крайнем случае можно устроить фуршет. Какая разница, как пить: сидя или стоя? Шаржуков всегда боялся

прослыть скопидомом. Поэтому за длинный стол усаживали всех казэсовцев, кто был в ресторанчике, а также народ, который все продолжал потихоньку подтягиваться.

В «Хоттабыче» этот праздник тоже любили. Олег угощал всех. Завсегдатаям – приятелям по Коммунальной Службе Спасения – прекрасный повод выпить на халяву, а владельцу – стабильная прибыль, за вычетом разбитой посуды. Сначала друзья лифтера дарили ему новую тельняшку двойной вязки под громогласное троекратное «Ура-а-а!», а дальше с Олега стаскивали комбез и, предварительно стянув прошлогодний «рябчик» для последующей утилизации, в несколько рук натягивали на мощный торс новый тельник, на котором белые и черные полоски еще не слились в один темный фон. Перед тем как торжественно усадить виновника торжества во главе длинного общего стола, составленного из сдвинутых вместе столиков, собранных со всех уголков общего зала, Шаржукова чуть ли не пинками загоняли в туалетную комнату: бриться и умываться. Роскошный бритвенный станок с пятью лезвиями и баллон с пеной в обязательном порядке входили в комплект подарка виновнику торжества. Олег для виду немного кочевряжился, но потом, под веселое помывкание друзей, всегда шел к умывальнику, покоровшись неизбежному.

Парадокс: бывший старшина первой статьи, без пяти минут морской офицер, не любил воду. Тактильный контакт любой части Олежкиного тела с жидкостью вызывал у него, мягко говоря, отторжение. Нет, Шаржуков не был грязнулей, но и назвать его чистюлей язык не повернулся бы у самого близкого друга. Он старался использовать такие альтернативные методы гигиены, как гигиенические салфетки и самый забористый одеколон...

После водных процедур праздник развивался по неизменно отработанной схеме, как по колее, накатанной годами, пока пол под ногами не начинал ходить ходуном, словно палуба в шестибалльный шторм. Тут только держись: одной рукой за стол, другой за рюмку, наполненную с горочкой...

Помимо патологического неприятия водных процедур, у Олега была еще одна тайная слабость – боязнь глубины. У медиков имеется научное название этой нелюбви к воде – гидрофобия. Лифтер тщательно скрывал этот пункт своей психики и медкомиссию прошел с легкостью. Род Шаржуковых по мужской линии всегда отличался богатырским здоровьем и физической силой. Если у предков Олега и были свои отклонения в голове, то они это не афишировали. Впрочем, так же, как их потомок. Шаржукова назвали Олегом в честь героического предка. Легендарный предок принял огненное крещение семнадцатилетним добровольцем в двадцать первой дивизии народного ополчения под Москвой зимой 1941 года. Угловатый подросток лихо начал воевать на последних рубежах столицы Советской России, а остановился лишь на сопках Маньчжурии уже матерым капитаном бронетанковых войск.

Военную карьеру закончил в Маньчжурии, среди бескрайних степей и редких сопек, где их застала весть о капитуляции Японии. Увешанный орденами, прадед Олега уволился в запас, так же, как и десятки тысяч его товарищей-офицеров, не оставив после себя следа ни в памяти послевоенной страны, ни особых отметин в генеалогическом древе Шаржуковых. В памяти рода осталось одно: несколько военных фотографий, выцветших после плохо промытого фиксажа, ордена в прямоугольной жестяной коробке из-под ленд-лизовского американского печенья, письма с фронта да самурайский меч, привезенный в качестве трофея. Желтые треугольники полевой почты были аккуратно сложены в две плотные стопочки и бережно перевязаны красной атласной лентой. Их давно никто не вынимал и не читал. Адресаты и отправитель давно уже умерли. А потомки не хотели ломать ветхую и хрупкую бумагу, вытертую на сгибах. Память и вечность в одном куске ломкой желтой бумаги...

Выбор Олега стать военным, а особенно моряком, удивил всех, кроме него и немногочисленной родни. Папа – потомственный геолог. Мама – учительница начальных классов в третьем поколении. Из всей родни к нему затесался лишь один военный – прадед.

Олег постоянно работал над собой, закаляя тело и укрепляя дух. От внутренних страхов надо избавляться, давить в самом зародыше. Поэтому еще на первом курсе военного училища, сразу же после присяги, он записался на дополнительные факультативные занятия. Любой гардемарин мог в свободное от занятий и самоподготовки время заниматься в военно-научных обществах, работающих при кафедрах. Дополнительную учебную дисциплину можно было выбрать на собственное усмотрение. К чему душа лежит. Но Олег был далек от науки, поэтому выбрал водолазную подготовку, которую их факультет должен был изучать лишь на предпоследнем, четвертом курсе. Шаржуков первым из своего потока получил квалификацию «мастер-водолаз». На правой стороне форменной тужурки ярко засверкал нагрудный знак военного водолаза. Предмет его тайной гордости представлял собой выпуклого золотого конька на фоне двух скрещенных серебряных якорей в обрамлении цепочки из красной меди. Цепочка была не декором к знаку, а указывала на особый статус водолаза. Обладание таким знаком говорило о том, что его владелец может действовать по приказу командования как водолаз-разведчик, в отрыве от основных сил. Не каждый офицер мог похвастаться тем, что имеет такую высокую квалификацию.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.